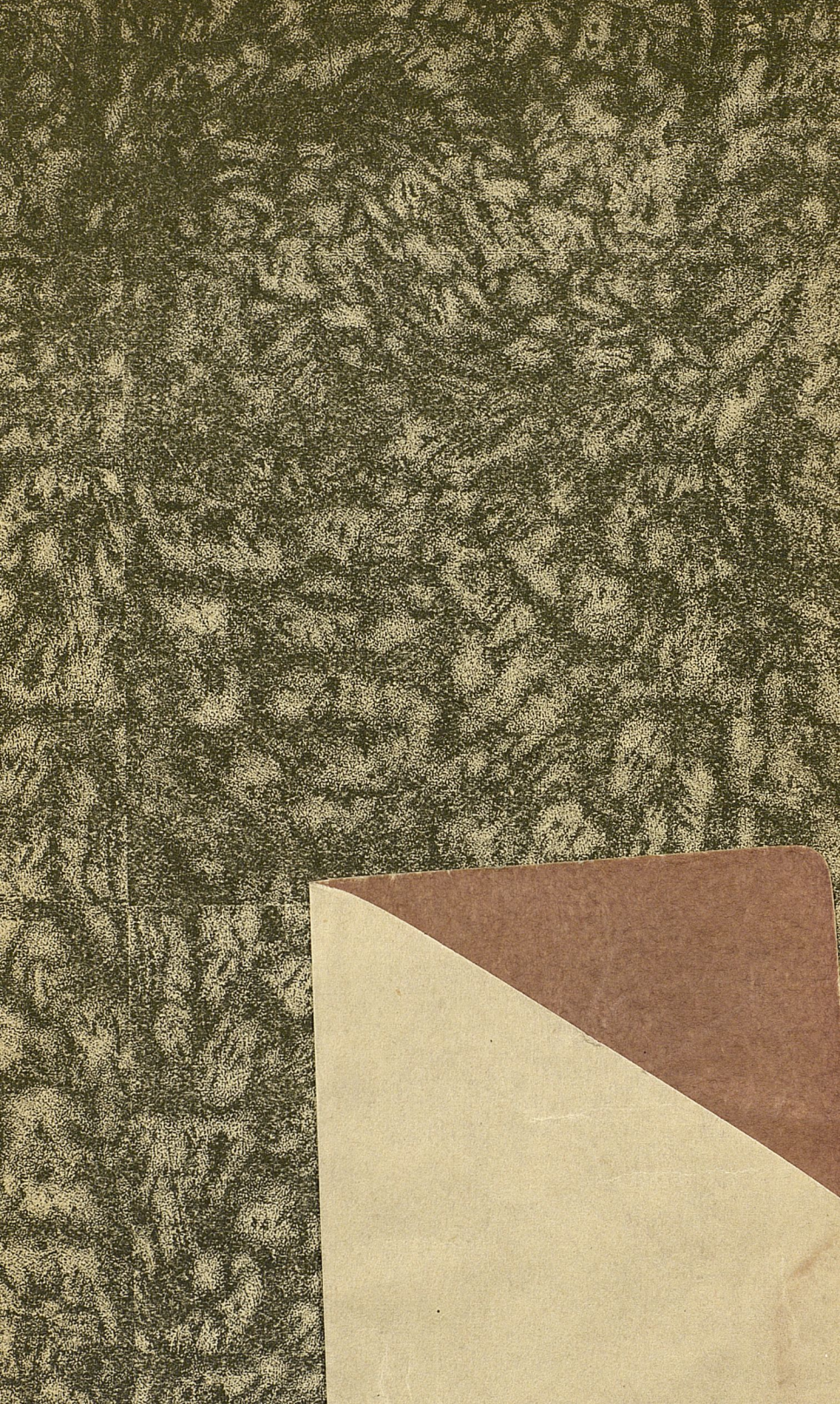
J87
203



Р[illegible]ИЙ РУБЛЬ

XVI—XVIII в.

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ НЫНѢШНЕМУ.

Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ.

В. Ключевскаго.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1884 г. кн. 1-я.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
17380-42

У 87
203

17380/42

РУССКІЙ РУБЛЬ XVI — XVIII В.

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ НЫНѢШНЕМУ

(Матеріалы для исторіи цѣнъ).

I.

Предлагаемая статья есть не болѣе, какъ рискованная попытка не рѣшить, а только поставить одинъ вопросъ, касающійся исторіографической техники. Въ источникахъ нашей исторіи сохранилось довольно много извѣстій, рисующихъ экономическую жизнь русскаго общества въ минувшіе вѣка. Къ сожалѣнію, лучшихъ изъ этихъ извѣстій, именно тѣхъ, въ которыхъ точно обозначены старыя русскія цѣны предметовъ, мы не умѣемъ прочитать, какъ слѣдуетъ. Напримѣръ, въ извѣстіи, что такой-то русскій землевладѣлецъ XVI вѣка бралъ съ своихъ крестьянъ оброка по 3 рубля съ выти, скрывается указаніе на стоимость земли, труда, капитала, на условія поземельной аренды, настроеніе рынка и на многое другое, что мы желали бы знать о русскомъ обществѣ того времени; только мы не понимаемъ ни того, что такое выть въ данномъ случаѣ, ни того, что значилъ рубль на рынкѣ во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ намъ говорятъ извѣстія XVI в. Подобныя извѣстія — историографическія загадки, шифрованное письмо, ключъ къ которому потерянъ. Пока не будетъ найденъ этотъ ключъ, значительный запасъ такихъ извѣстій, сохранившійся въ источникахъ, остается заманчивымъ, но недоступнымъ, т.-е. безполезнымъ для науки матеріаломъ. Поискать не самого ключа, а пути, которымъ можно найти его,—вотъ задача предлагаемаго небольшаго метрологическаго опыта.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ поставленъ уже 30 лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи М. Заблоцкаго *О цѣнностяхъ въ древней*

Руси. Но эта постановка сообщила задачѣ излишнюю сложность и трудность. Чтобы понять древнія цѣны, ихъ надобно перевести на языкъ цѣнъ нашего времени, т.-е. опредѣлить мѣновое отношеніе старинныхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ. Для этого нужно, по мнѣнію Заблоцкаго, произвести послѣдовательно три вычисленія. Во-первыхъ, надобно опредѣлить вѣсовое отношеніе древнихъ металлическихъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ, напримѣръ, узнать, насколько московская серебряная деньга XVI в. тяжелѣе или легче нашей копѣйки серебра. Во-вторыхъ, такъ какъ номинальная цѣна монеты обыкновенно бываетъ выше дѣйствительной стоимости заключающагося въ ней чистаго драгоцѣннаго металла, чѣмъ покрываются издержки лигатуры и самаго производства монеты, то при сравненіи древней монетной единицы съ нынѣшней надобно вычислить эту разницу въ той и другой, чтобы такимъ образомъ опредѣлить взаимное отношеніе обѣихъ единицъ по вѣсу чистаго драгоцѣннаго металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Наконецъ, такъ какъ стоимость монетныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, серебра и золота, измѣнчива, то высчитавъ вѣсъ и пробу старой и нынѣшней монеты, остается опредѣлить, насколько теперь вздорожалъ или подешевѣлъ самый металлъ, употребляющійся на монету, сравнительно съ тѣмъ, что онъ стоилъ въ прежнее время. Эта относительная стоимость монетнаго металла опредѣляется на основаніи рыночнаго отношенія его, какъ товара, къ другимъ товарамъ и именно къ предметамъ первой необходимости, а также и къ труду, необходимому для ихъ производства.

Таковы три операціи, которыя М. Заблоцкій считалъ необходимыми для приблизительно точнаго перевода древнихъ цѣнъ на современныя. Двѣ первыя операціи чисто нумизматическія, основаны на изученіи разновременныхъ монетныхъ системъ; послѣдняя не касается нумизматики, а относится къ другимъ частямъ метрологіи, требуетъ изученія системы мѣръ и вѣсовъ. Нельзя ли упростить этотъ сложный процессъ, сокративъ одни вычисленія и совсѣмъ отбросивъ другія? Чтобы наглядно показать, какія возможны здѣсь сокращенія, возьмемъ такой примѣръ. Кильбургеръ, живя въ Москвѣ въ 1674 году вмѣстѣ со шведскими послами, къ свитѣ которыхъ онъ принадлежалъ, покупалъ здѣсь чай по 30 коп. фунтъ [1]. Вычислимъ по способу Заблоцкаго, что стоилъ фунтъ чаю въ Москвѣ 200 лѣтъ назадъ на наши

[1] Кратк. извѣстіе о русской торговлѣ, *Кильбургера*, перев. *Языкова*, стр. 66. Дворц. Разр. III, 915.

деньги. Серебряная копѣйка въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по изслѣдованію Заблоцкаго, вѣсила 10 долей. Въ нынѣшней серебряной копѣйкѣ (банковой монеты) $4^{1}/_{8}$ доли. Значитъ, копѣйка царя Алексѣя по вѣсу равнялась $2^{1}/_{12}$ нашимъ серебрянымъ копѣйкамъ. Теперь надобно высчитать разницу пробы въ обѣихъ копѣйкахъ, опредѣлить ихъ отношеніе по вѣсу чистаго серебра безъ лигатуры. Но уже самъ Заблоцкій, опредѣляя отношеніе старинной монеты къ нынѣшней, не пользуется этимъ вычисленіемъ, на необходимости котораго онъ настаиваетъ, излагая программу своего изслѣдованія. Въ его книгѣ находимъ сравнительную таблицу старинныхъ серебряныхъ денегъ и нынѣшнихъ серебряныхъ копѣекъ по вѣсу съ лигатурой, но не находимъ таблицы, въ которой было бы показано ихъ взаимное отношеніе по вѣсу чистаго серебра. Причиной этого пробѣла былъ недостатокъ точныхъ свѣдѣній о степени чистоты древнерусской серебряной монеты. Заблоцкій ограничивается только недостаточно доказаннымъ общимъ заключеніемъ, что проба нашихъ денегъ отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго «могла разниться отъ 80 до 90 золотниковъ» и что, говоря вообще, древнерусская монета была не ниже пробы нынѣшней нашей серебряной монеты, опредѣленной въ $83^{1}/_{3}$ золотника [1]. Но это проба банковой монеты, рядомъ съ которой у насъ ходитъ еще серебряная размѣнная монета съ значительно низшей пробой, а цѣны нашего внутренняго рынка выражаются этой послѣдней монетой, а не банковой. Слѣдовательно переводъ древнихъ цѣнъ на нынѣшнія усложняется еще новымъ нумизматическимъ вычисленіемъ: принявъ заключеніе Заблоцкаго о пробѣ древнерусской монеты, надобно еще банковыя серебряныя копѣйки переложить на размѣнныя, чтобы получить точное отношеніе древнихъ цѣнъ къ нынѣшнимъ. Не заботясь о совершенной точности, положимъ, что копѣйка царя Алексѣя равняется приблизительно 3,7 копѣйкамъ нынѣшней размѣнной монеты [2]. Опредѣливъ относительную степень чистоты металла въ древнихъ и нынѣшнихъ копѣйкахъ, остается сдѣлать послѣднюю операцію, съ помощію хлѣбныхъ цѣнъ узнать стоимость серебра, какъ товара, въ XVII в. и теперь. Ограничимся для этого цѣною ржи. Тотъ же Кильбургеръ пишетъ, что

---

[1] О цѣнностяхъ въ др. Руси, стр. 36, 93 и 98.

[2] У *г. Прозоровскаго* проба московскихъ денегъ XVII в. опредѣлена приблизительно въ $85^{1}/_{6}$. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII, стр. 705. На этомъ основано выведенное нами отношеніе копѣйки царя Алексѣя къ нынѣшней размѣнной серебряной копѣйкѣ 48 пробы.

когда онъ жилъ въ Москвѣ, четверть ржи продавали здѣсь по 70—60 коп. Въ 1882 г. средняя цѣна четверти ржи въ Московской губерніи была 8 р. 40 коп. Умноживъ среднюю цѣну у Кильбургера 65 коп. на 3,7 и отбросивъ дробь, найдемъ, что эти 65 десятидольныхъ копѣекъ 85 пробы по количеству чистаго серебра равняются приблизительно 240 нынѣшнимъ копѣйкамъ 48 пробы. Итакъ въ 1674 г. за четверть ржи платили столько чистаго серебра, сколько его въ 240 нынѣшнихъ размѣнныхъ серебряныхъ копѣйкахъ, а въ 1882 г. столько, сколько его въ 840 такихъ же копѣйкахъ. Значитъ, серебро въ 1674 г. было въ $3^1/_2$ раза дороже, чѣмъ въ 1882 г. Поэтому копѣйка 1674 г., по количеству чистаго серебра равняющаяся нынѣшнимъ ходячимъ 3,7 коп., по сравнительной стоимости серебра равняется $3{,}7 \times 3{,}5 = 12{,}9$ нынѣшнимъ.

Теперь, отбросивъ всѣ эти нумизматическія вычисленія, сложныя и трудныя, даже не всегда удающіяся по свойству сохранившагося матеріала, ограничимся однимъ простѣйшимъ метрологическимъ разсчетомъ: раздѣливъ цѣну четверти ржи въ 1882 г. 840 коп. на 65 коп., ея цѣну въ 1674 г., получимъ ту же цифру 12,9, опредѣляющую рыночное отношеніе копѣйки 1674 г. къ нынѣшней. Помноживъ на эту цифру цѣну фунта чаю въ Москвѣ въ 1674 г. 30 коп., найдемъ, что она равнялась нашимъ 3 р. 87 коп., т.-е. была значительно выше нынѣшней цѣны этого товара, если только Кильбургеръ покупалъ въ Москвѣ простой черный чай, а не какой-либо изъ высшихъ сортовъ. Легко замѣтить, что при точномъ вычисленіи этотъ упрощенный пріемъ всегда приведетъ къ тому же результату, какой получается посредствомъ сложныхъ операцій по способу Заблоцкаго, потому что всѣ разницы въ вѣсѣ и пробѣ монеты, въ стоимости монетнаго металла и проч. сводятся къ одной, всѣ выражаются въ различіи хлѣбныхъ цѣнъ. Точнѣе говоря, измѣненіе хлѣбныхъ цѣнъ происходитъ не отъ того, что измѣняется полезность хлѣба, всегда одинаковая, а отъ перемѣнъ въ вѣсѣ и пробы монеты, какъ и въ стоимости монетнаго металла, т.-е. отъ измѣненія качества мѣновыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ оцѣнивается на рынкѣ полезность хлѣба. Значитъ, пользуясь изложеннымъ пріемомъ при сравненіи старыхъ цѣнъ съ нынѣшними, мы вмѣсто того, чтобы послѣдовательно вычислять частныя отношенія, основанныя на измѣненіи вѣса и пробы монеты, какъ и стоимости металла, прямо вычисляемъ окончательное общее отношеніе, въ которое эти частныя отношенія входятъ, какъ производители въ свое произведеніе.

Разумѣется, выведенное только для примѣра отношеніе копѣйки царя Алексѣя къ нынѣшней не имѣетъ надлежащей точности. Такой точности нельзя достигнуть помощію единичнаго извѣстія о цѣнѣ хлѣба только въ Москвѣ 1674 г. и притомъ о цѣнѣ одной ржи. Для этого необходимы болѣе сложныя основанія; только эти основанія—не нумизматическія. Это не значитъ, что нумизматика совсѣмъ не нужна для историческаго изученія цѣнъ. Она можетъ понадобиться, но не для опредѣленія самаго отношенія старыхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ, выводимаго на основаніи хлѣбныхъ цѣнъ, а только для историческаго объясненія колебаній, какимъ подвергалось это отношеніе. Если, напримѣръ, въ короткое время хлѣбъ сталъ вдвое дороже, мы должны прежде всего узнать, не измѣнилась ли денежная единица, которой выражалась новая цѣна хлѣба. Если окажется, что въ то же время вошла въ обращеніе монета съ прежнимъ названіемъ, но вдвое легче вѣсомъ или съ пониженной вдвое пробой, то мы признаемъ вздорожаніе мнимымъ. Если же на монетномъ дворѣ все осталось попрежнему, надобно будетъ искать причинъ явленія на рынкѣ. Но было ли вздорожаніе мнимое или дѣйствительное, произошла ли нумизматическая перемѣна въ денежной единицѣ, или нѣтъ, отношеніе этой единицы къ нынѣшней, опредѣляемое хлѣбными цѣнами, стало иное, именно показатель отношенія уменьшился вдвое.

II.

Изложенный упрощенный способъ тѣмъ удобнѣе, что и безъ того остается много затрудненій, которыя необходимо одолѣть при опредѣленіи рыночнаго отношенія старинныхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ. Самое важное изъ этихъ затрудненій заключается въ разнообразіи и измѣнчивости древнихъ хлѣбныхъ мѣръ.

Наиболѣе употребительныя хлѣбныя мѣры въ Московской Руси XVI—XVII в. были: *бочка*, *кадь* или *оковъ*, *зобница*, *коробья*, *рогожа*, *мѣхъ* или *мѣшокъ*, *мѣра*, *четверикъ*, наконецъ *четверть*. Четверть была четвертая часть бочки, кади или окова. Псковская зобница XV и XVI в. дѣлилась такъ же на 4 четверти, слѣдовательно соотвѣтствовала бочкѣ или кади. Новгородская коробья была половина бочки или кади. Въ одномъ актѣ начала XVI в. 554 рогозины или рогожи ржи приравнены 800 бочкамъ «въ бѣлозерскую мѣру»; слѣдовательно рогожа ржи содержала въ себѣ около $1\frac{1}{2}$ бочки (1,44). Мѣхъ или мѣшокъ—трудно опредѣлимая и вѣроятно измѣнчивая мѣра; ниже будутъ приведены нѣкоторыя указанія на вмѣстимость, какую имѣлъ

мѣхъ въ иныхъ мѣстахъ древней Руси. По *Торговой книгѣ* XVI—XVII в. *мѣра* равнялась четверику; но въ Двинской землѣ мѣрой называлась половина четверти, т.-е. осмина. Четверикъ получилъ свое названіе отъ того, что онъ составлялъ четвертую часть осмины, почему акты и называютъ его иногда «четверикомъ осминнымъ» [1]. Такимъ образомъ всѣ хлѣбныя мѣры Московской Руси могутъ быть сведены къ наиболѣе употребительной изъ нихъ, къ четверти, какъ части къ цѣлому или наоборотъ.

При возможности возстановить отношеніе четверти къ другимъ хлѣбнымъ мѣрамъ сравнительное изученіе старинныхъ и позднѣйшихъ цѣнъ не представляло бы никакой трудности, еслибы сама четверть была въ древней Руси мѣрой однообразной и устойчивой. Къ сожалѣнію для метролога, она была неодинакова въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Теперь едва ли гдѣ уцѣлѣли самыя орудія хлѣбной мѣры (посуда), употреблявшіяся въ древней Руси, напримѣръ клейменыя казенныя осмины, четверики и т. п. Поэтому, чтобы хотя приблизительно опредѣлить вмѣстимость какой-либо старинной хлѣбной мѣры, надобно знать вѣсъ входившаго въ нее хлѣба. Но въ древней Руси не любили опредѣлять количество хлѣба вѣсомъ и переводить мѣры сыпучихъ веществъ на мѣры вѣса. Остается собирать косвенныя указанія, часто даже ловить очень неясные намеки, которые позволяютъ догадываться о томъ, что такое была четверть въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Въ этомъ состоитъ самое большое затрудненіе, мѣшающее изученію старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ; въ этомъ же заключается и источникъ пробѣловъ, неточностей и ошибокъ, которыхъ трудно избѣжать въ изученіи какъ этихъ цѣнъ, такъ и самыхъ хлѣбныхъ мѣръ древней Руси. Начнемъ съ извѣстій о четверти во второй половинѣ XVII в.

Упомянутый выше Кильбургеръ замѣчаетъ, что четверть самая большая мѣра въ Московіи [2]. Слѣдовательно въ его время болѣе крупныя мѣры, бочки, рогожи и другія, были уже малоупотребительны. Кильбургеръ знаетъ четверть четырехъ величинъ: московскую, новгородскую, псковскую и печорскую. Новгородская четверть заключала въ себѣ двѣ стокгольмскія тонны. По *Метрологіи* Петрушевскаго

---

[1] Акт. Юрид. стр. 445. Записки отд. русск. и слав. археол. Имп. Археол. Общ. I, 3, стр. 115 и 89. *Крестинина*, О сельск. стар. домостроительствѣ Двинскаго народа, стр 38.

[2] Кратк. изв. о русск. торговлѣ въ 1674 г., стр. 139.

шведская тонна хлѣбная равняется 5,59 нашимъ четверикамъ съ надбавкой хлѣба въ зернѣ по 8 каннъ на тонну. Такъ какъ канна есть $^1/_{56}$ тонны, то шведская тонна зерноваго хлѣба содержитъ въ себѣ 6,38 четвериковъ [1]. Значитъ, новгородская четверть временъ Кильбургера равнялась 12,76 нынѣшнимъ четверикамъ. Три московскія четверти по Кильбургеру равнялись двумъ новгородскимъ, т.-е. въ московской четверти было 8,5 нынѣшнихъ четвериковъ. Выходитъ, что московская четверть въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича была на полчетверика больше нынѣшней. Происхожденіе этого излишка нѣсколько объясняется вычисленіемъ вѣса старинной четверти. Полагая четверикъ ржи въ $1^1/_8$ пуда или 45 фунтовъ согласно съ нормальнымъ вѣсомъ, какой имѣетъ этотъ хлѣбъ при хорошемъ урожаѣ, найдемъ, что въ старинной четверти ржи было 382, 5 фунта. Но извѣстно, что фунтъ XVII и первой половины XVIII в. у насъ былъ больше нынѣшняго, равнялся 112 нынѣшнимъ золотникамъ, какъ разъяснилъ это г. Прозоровскій при помощи *Ариѳметики* Леонтія Магницкаго 1703 года. Такой же фунтъ употреблялся въ Москвѣ, какъ вѣсовая единица, и въ XVI в., что видно изъ записки посѣтившаго Московію въ 1565 г. итальянца Барберини, который, говоря о московскомъ вѣсѣ, замѣчаетъ, что въ унціи 6 московскихъ золотниковъ [2]. Такъ какъ нынѣшній фунтъ составляетъ $^6/_7$ стараго московскаго фунта, то переложивъ 382, 5 фунта на старый вѣсъ, получимъ для московской четверти временъ Кильбургера 8 пудовъ 6 фунт. тогдашняго московскаго вѣса. Въ Ариѳметикѣ Магницкаго есть задача, которая даетъ основаніе догадываться, что онъ считалъ мѣру или четверикъ ржи въ 1 пудъ вѣсомъ (л. 106 об.). Отсюда слѣдуетъ, что московская четверть, какую зналъ Кильбургеръ, заключала въ себѣ 8 пуд. ржи нормальнаго вѣса, иногда немного больше или меньше, смотря по качеству урожая. Такая вмѣстимость четверти подтверждается наказомъ 1696 г. нерчинскимъ воеводамъ, которымъ предписывается хлѣбъ съ казенныхъ пашенъ «въ приходъ принимать и въ расходъ давать и писать четвертями въ московскую

---

[1] *Петрушевскаго*, Метрологія, 1831 г., стр. 223. Въ Dictionnaire du commerce (Paris, 1839. T. II, p. 1765) выведено нѣсколько иное отношеніе шведской тонны къ русской четверти: именно тонна опредѣлена въ 6,77 четвериковъ. Мы принимаемъ отношеніе, выведенное по Петрушевскому, потому что оно поддерживается указаніями русскихъ источниковъ XVII в.

[2] Монета и вѣсъ въ Россіи. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII, 416. *Барберини* въ Сынѣ Отечества 1842 г., № 7, стр. 48.

четверть, а не пудами», также хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, которое «пишутъ въ прежнюю четверопудную четверть», выдавать новой московской четвертью, «расчитая вполы» противъ прежней четверти, «а не противъ вѣса» [1]. Хлѣбные оклады служилымъ людямъ опредѣлены были извѣстнымъ количествомъ прежнихъ четверопудныхъ четвертей. Теперь велѣно было выдавать хлѣбное жалованье новой московской четвертью, т.-е. разсчитывать оклады на новую единицу вдвое больше прежней по вмѣстимости и по вѣсу. Но такъ какъ зерно родилось неодинаковаго вѣса, то для устраненія недоразумѣній и произвола въ разсчетѣ предписывалось при переложеніи окладовъ съ прежней мѣры на новую принимать во вниманіе не вѣсъ, а только вмѣстимость, «расчитая вполы», т.-е. дѣля на 2, хотя бы переложенный такимъ образомъ окладъ по вѣсу зерна не равнялся прежнему. Значитъ, въ новой московской казенной четверти предполагалось ровно 8 пудовъ зерна (ржи) нормальнаго вѣса. Объясненіемъ такого распоряженія можетъ служить сохранившаяся въ бумагахъ Сибирскаго приказа воеводская смѣта хлѣба, не доданнаго въ окладное жалованье разнымъ служилымъ людямъ и ружникамъ города Якутска за 1654—1691 года: обозначивъ, сколько пудовъ и четвертей разнаго хлѣба не додано, смѣта продолжаетъ: «а въ новую великихъ государей *осмипудную* четверть на всѣ прошлые вышеписанные годы хлѣба будетъ дать» столько-то [2]. Все это приводитъ къ тому заключенію, что московская казенная четверть конца XVII в. отличалась отъ нынѣшней торговой не объемомъ своимъ, а только вѣсомъ зерна, какой тогда считался нормальнымъ. Нынѣ четверть содержитъ въ себѣ около 9 пуд. ржи нормальнаго вѣса: это средній вѣсъ ржи, которая въ разныхъ мѣстахъ Россіи родится качествомъ отъ 8 пуд. 22 ф. до 9 п. 16 ф. на четверть. По отношенію стараго московскаго фунта къ нынѣшнему (какъ 7 къ 6) 8 пудовъ четверти XVII в. равнялись нынѣшнимъ $9^1/_3$ пуд. Это вѣсъ нынѣшней очень тяжеловѣсной ржи. Поэтому можно думать, что въ московской Россіи XVII в считалась нормальною рожь такой доброты, какая нынѣ значительно выше нормы. Если это соображеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе, то вѣсъ тогдашней московской четверти даетъ намъ не лишенное интереса косвенное указаніе на производительность русской почвы 200 лѣтъ назадъ.

---

[1] Полн. Собр. Зак. III, № 1342, стр. 238.

[2] Дѣла неполныхъ производствъ въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, вязка № 1.

Если московская четверть временъ Кильбургера по вмѣстимости равнялась нынѣшней, то новгородская содержала въ себѣ $1^1/_2$ нынѣшнихъ, а по вѣсу ржи заключала въ себѣ 12 старыхъ московскихъ пудовъ или 14 нынѣшнихъ. Кильбургеръ не опредѣляетъ точно отношенія псковской и печорской четверти къ новгородской, замѣчая только, что первая немного болѣе послѣдней, а вторая немного болѣе первой.

Въ наказѣ нерчинскимъ воеводамъ 1696 г. и въ смѣтѣ якутскаго воеводы 1691 г. четверопудная четверть названа «прежней»-а осмипудная казенная «новой». Отъ псковскаго лѣтописца узнаемъ, что дѣйствительно въ началѣ XVII в. была въ ходу четверть вдвое или почти вдвое меньше той, какая употреблялась позднѣе. Описывая голодъ и дороговизну 1602 г., онъ замѣчаетъ: «а четверть была старая невелика, противъ нынѣшней вдвое менши, полумѣра». Говоря о дороговизнѣ хлѣба въ Псковѣ въ 1612 г., онъ опять прибавляетъ: «а четвертина мала была, мало болши осмака» [1]. Послѣдовательный разсказъ этой лѣтописи прерывается на извѣстіи о смерти царя Михаила въ 1645 году; слѣдовательно замѣчаніе объ отношеніи «старой» четверти къ «нынѣшней» могло принадлежать человѣку, жившему около половины XVII в. и позднѣе и знавшему удвоенную четверть второй половины этого вѣка. Изъ сочиненія о Московскомъ государствѣ англійскаго посла Флетчера, бывшаго въ Москвѣ въ 1588 и 1589 г., узнаемъ, что такая половинная четверть употреблялась здѣсь и во второй половинѣ XVI в. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ вообще, что четверть содержитъ въ себѣ три англійскихъ бушеля или нѣсколько менѣе; въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что именно четверть пшеницы равняется *почти* тремъ англійскимъ бушелямъ [2]. Возьмемъ возможно старое опредѣленіе бушеля, какое имѣется у насъ подъ руками. Въ одномъ нѣмецкомъ энциклопедическомъ словарѣ начала XVIII вѣка англійскій бушель сыпучихъ веществъ приравненъ 64 фунтамъ [3]. Согласно съ Флетчеромъ, который считаетъ на четверть пшеницы три бушеля безъ малаго, мы убавимъ у трехъ бушелей или 192 фунт. примѣрно 6 фунт. Во времена Флетчера на Руси сѣяли только яровую пшеницу. По урожаю 1882 г. средній вѣсъ четверти этого хлѣба

---

[1] Полн. Собр. Рос. Лѣт. IV, 321 и 330.

[2] *Флетчеръ*, гл. 12 и 3.

[3] *Hübners* Curieuses und reales Natur - Kunst - Berg - Gewerck und Handlungs-Lexicon. Leipzig, 1755. S. 820. Первое изданіе вышло въ 1712 г.

около 9 п. 12 ф. Раздѣливъ эти 372 фунта на 186, найдемъ, что четверть пшеницы временъ Флетчера была ровно вдвое меньше нынѣшней. Къ тому же выводу приходимъ и другимъ путемъ. Превративъ 186 нынѣшнихъ фунтовъ въ старые русскіе фунты, получимъ $159\frac{3}{7}$: недостаетъ только $\frac{4}{7}$ фунта до 4 пудовъ, т.-е. до той четверопудной «прежней» четверти, о которой говоритъ наказъ нерчинскимъ воеводамъ.

Итакъ во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. ходячей хлѣбной мѣрой въ московской Руси была четверть въ 4 старыхъ пуда или $4\frac{2}{3}$ нынѣшнихъ. Находимъ косвенное указаніе на то, что и прежняя новгородская четверть была вдвое или почти вдвое меньше той, какую зналъ Кильбургеръ. Изъ наказа нерчинскимъ воеводамъ видно, что и по введеніи новой казенной четверти по мѣстамъ продолжали пользоваться старыми мѣстными четвертями. Грамота чердынскому воеводѣ 1681 г., говоря о томъ, сколько четвертей ржи и ржаной муки платили посадскіе люди и крестьяне сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ на содержаніе сибирскихъ служилыхъ людей, прибавляетъ, что они платили столько четвертей «въ прежній вѣсъ муки ржаной по 5 пудъ съ четью, а рожь по 6 пудъ съ четью жь четверть и съ мѣхами» [1]. Поморскіе уѣзды принадлежали нѣкогда къ Новгородской области или по крайней мѣрѣ имѣли съ нею тѣсныя торговыя связи; четверть ржи въ 6 пудъ 10 фунт. съ мѣшкомъ можно поэтому считать старой новгородской четвертью, которая принята была за ходячую хлѣбную мѣру на всемъ поморскомъ сѣверѣ. Излишкомъ 10 фунт. съ мѣшкомъ объясняется замѣчаніе псковскаго лѣтописца о прежней четверти, что она «мала была, *мало больши* осмака», т.-е. осмины второй половины XVII в.

Трудно рѣшить вопросъ, рѣшеніе котораго необходимо для исторіи хлѣбныхъ цѣнъ XVII вѣка: когда введена была новая удвоенная четверть? По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили прямыхъ извѣстій объ этомъ. Остается довольствоваться косвенными указаніями. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа сохранилась смѣта хлѣбныхъ запасовъ, собранныхъ съ казенныхъ пашенъ Томскаго уѣзда въ 1642 г. Озимой ржи было сжато 331 сотница (копна во 100 сноповъ) и 30 сноповъ; изъ этого было намолочено 690 четвертей [2]. Значитъ, сотная копна дала

---

[1] Акты Ист. V, № 76.

[2] Дѣла неполныхъ производствъ въ Моск. Арх. Мин. Юст., вязка 1.

2 четверти съ очень мелкой дробью. Изъ хозяйственныхъ книгъ по вотчинѣ извѣстнаго боярина Б. И. Морозова узнаемъ, что въ 1659—1661 г. въ его арзамасскихъ и курмышскихъ деревняхъ изъ сотницы ржи умолачивали не больше четверти зерна, чаще гораздо менѣе, иногда только по осминѣ. Тоже и съ овсомъ: изъ 328 сотныхъ копенъ и 15 сноповъ томскаго казеннаго овса въ 1642 г. намолотили 796½ четвертей, почти по 2½ четверти изъ копны, а въ вотчинѣ Морозова копна овса давала четверть зерна, иногда нѣсколько болѣе, иногда немного менѣе [1]. Такимъ образомъ въ 1642 г. копна того и другаго хлѣба давала вдвое больше четвертей зерна, чѣмъ въ 1659 — 1661. Какъ ни различны могли быть копны по качеству колоса или зерна, такая значительная и однообразная разница заставляетъ догадываться, что она происходила не отъ измѣнчивости умолота, а отъ неодинаковой хлѣбной мѣры: въ 1642 г. копна давала вдвое больше четвертей зерна, потому что четверть тогда была вдвое меньше, чѣмъ въ 1659 году. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить указаніе одной духовной 1548 г., изъ которой видно, что въ XVI в. въ московскихъ областяхъ изъ копны овса получалось умолоту по 3 четверти московскихъ, т.-е. немного больше, чѣмъ изъ сотницы томскаго казеннаго овса въ 1642 г. [2] Менѣе вѣроятно предположеніе, что разница въ умолотѣ копны томской и арзамасско-курмышской происходила отъ различной вязки сноповъ: сколько можно судить по сохранившимся извѣстіямъ объ отношеніи густоты посѣва къ ужину, въ древнерусскомъ земледѣліи на всемъ пространствѣ московской Руси принятъ былъ довольно однообразный нормальный снопъ.

Меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, даетъ для разрѣшенія изслѣдуемаго вопроса извѣстная указная книга «о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу» 1623—1631 г. [3] Это рядъ актовъ, касающихся полицейскаго над-

---

[1] «Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя» во Временникѣ Общ. Ист. и Др. Росс. кн. VII, отд. 2. Къ этому надобно еще прибавить, что въ вотчинѣ Морозова употреблялась «боярская дворовая» четверть, которая была нѣсколько меньше «таможенной», т.-е. казенной: по одному указанію посѣвныхъ книгъ этой вотчины можно разсчитать, что дворовая четверть равнялась 6, 9 четверикамъ таможенной.

[2] Акты Юр. № 420. Сопоставляя цифры умолота копны въ ариѳметическихъ задачахъ *Счетной Мудрости*, изданной въ 1879 г. Обществомъ Любителей Древнерусской Письменности, легко замѣтить, что онѣ произвольны.

[3] Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IV, отд. 2. Текстъ памятника не совсѣмъ исправенъ: есть погрѣшности въ вычисленіяхъ.

зора за торговлей печенымъ хлѣбомъ въ Москвѣ. Отъ времени до времени особо назначенная для «хлѣбнаго дѣла» коммиссія устанавливала таксу, съ которой обязаны были соображаться московскіе хлѣбники и калачники. Эта коммиссія составлялась изъ дворянина съ нѣсколькими выборными присяжными или «цѣловальниками» отъ посадскаго торгово-промышленнаго населенія столицы. Коммиссія дѣлала «опытъ», покупала въ мучномъ ряду по четверти муки пшеничной и ржаной, изъ которой хлѣбники подъ ея наблюденіемъ выпекали калачи и хлѣбы ситные и рѣшетные, потомъ высчитывала издержки производства, причисляя къ нимъ содержаніе лавки, также «тягло и промыслъ», и разсчитывая все это на каждую четверть муки. Эти издержки производства, «харчъ», какъ тогда говорили, прикладывали къ торговой цѣнѣ муки и сумму разверстывали на вѣсъ выпеченнаго хлѣба. Тогда на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ продавались хлѣбы и калачи алтынные, грошовые, двуденежные и денежные; слѣдовательно отъ колебаній цѣны муки измѣнялся вѣсъ печеныхъ хлѣбовъ и калачей. Смѣтивъ стоимость четверти муки съ харчомъ и свѣсивъ выпеченный изъ нея хлѣбъ, коммиссія высчитывала, какого вѣса должны быть хлѣбы и калачи алтынные и другіе. На основаніи этого опыта составлялась «роспись» или вѣсовая такса, показывавшая, сколько должны вѣсить каждый хлѣбъ и калачъ алтынный или другой при той или другой цѣнѣ четверти муки. Вотъ для примѣра начало росписи ржаныхъ рѣшетныхъ хлѣбовъ, составленной на основаніи опыта коммиссіей Немира Кирѣевскаго въ 1626 г.

«На рѣшетные хлѣбы купятъ муки ржаные четь по 6 алт. по 4 деньги, да харчу на ту четь положено на хлѣбъ: провозу до двора и изъ двора въ рядъ 6 д., подквасья на 3 д., дровъ на 8 д., выдачи на лавку 10 д., на тягло и на промыслъ 9 д., на свѣчи и на помело деньга, и всего харчу положено 7 алт. съ деньгою; и обоего мука куплею съ харчомъ въ хлѣбахъ станетъ 12 алт. 5 денегъ; и выпечи изъ тое муки хлѣбовъ алтынныхъ 11, да 2 хлѣба грошовыхъ, хлѣбъ двуденежный, хлѣбъ денежный; вѣсу въ алтынномъ хлѣбѣ 23 гривенки (фунта) съ четью, въ грошовомъ 15 гривенокъ съ полугривенкою, въ двуденежномъ 8 гривенокъ безъ чети, въ денежномъ 4 гривенки безъ полчети».

Въ росписи приведено 26 разныхъ цѣнъ четверти ржаной муки и высчитано количество рѣшетнаго хлѣба, какое должно быть выпечено изъ каждаго сорта. Роспись этихъ цѣнъ составлена по извѣстной системѣ: каждая слѣдующая цѣна алтыномъ выше предыдущей.

Вѣсъ четверти муки не указанъ прямо; но его можно опредѣлить по количеству выпекаемаго изъ нея хлѣба, исключивъ припекъ. Для этого переложимъ роспись въ ниже слѣдующую таблицу, обозначая въ первой графѣ цѣны четверти ржаной муки въ деньгахъ (полукопѣйкахъ), во второй количество выпекаемаго изъ нея рѣшетнаго хлѣба (безъ дробей), а въ третьей цѣны (въ сотыхъ доляхъ деньги) фунта печенаго хлѣба, какія выходятъ по росписи при различныхъ цѣнахъ муки:

40	298	0,25 ден.
46	314	0,26.
52	329	0,26.
58	344	0,27.
64	357	0,28.
70	370	0,28.
76	381	0,29.
82	391	0,30.
88	400	0,31.
94	409	0,32.
100	422	0,32.
106	428	0,33.
112	434	0,34.
118	438	0,35.
124	441	0,36.
130	443	0,38.
136	$444^{19}/_{24}$	0,39.
142	$444^{23}/_{24}$	0,40.
148	439	0,42.
150	423	0,43.
160	435	0,45.
166	431	0,47.
172	426	0,47.
178	421	0,51.
184	414	0,53.
190	406	0,55.

Эта таблица возбуждаетъ много недоумѣній, разрѣшить которыя, можетъ быть, сумѣетъ только знатокъ-пекарь. Однообразная прогрессія, по которой увеличиваются цифры первой графы за исключеніемъ двухъ, заставляетъ видѣть въ нихъ не справочныя, а примѣрныя, ма-

тематическія цѣны: рыночныя цѣны едвали могутъ расти съ такою правильностью. Такъ какъ вмѣстѣ съ поднятіемъ цѣнъ увеличивается и количество выпекаемаго изъ четверти хлѣба до цѣны 142 ден. включительно, то въ основаніи таблицы цѣнъ до обозначеннаго предѣла предполагаются, очевидно, разные сорта муки на одномъ и томъ же рынкѣ въ данную минуту, а не колебанія курса мучныхъ цѣнъ на разныхъ рынкахъ или въ разное время. Все это пока понятно; надобно только спросить знатоковъ хлѣбнаго дѣла, возможно ли было найти на старинномъ московскомъ рынкѣ заразъ 18 разноцѣнныхъ сортовъ ржаной муки. Но что такое концы обоихъ первыхъ столбцовъ, гдѣ цѣны муки возвышаются по мѣрѣ уменьшенія припека, т.-е. по мѣрѣ паденія доброты муки? Это и не повторительная таблица пересчитанныхъ выше сортовъ муки при другомъ, высшемъ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ, и не дальнѣйшій перечень новыхъ, высшихъ сортовъ муки при прежнемъ уровнѣ цѣнъ: въ первомъ случаѣ слѣдовало ожидать во второй графѣ послѣ числа $444^{23}/_{24}$ повторенія прежнихъ цифръ выпеченнаго хлѣба, а во второмъ — дальнѣйшаго возвышенія этихъ цифръ. Вмѣсто того находимъ въ послѣднихъ 8 рядахъ таблицы какое-то соединеніе прогрессивно дорожающихъ цѣнъ муки съ прогрессивно падающей ея добротой. Трудно угадать, какую практическую цѣль по отношенію къ хлѣбному рынку имѣла эта математическая выкладка. Благодаря такому построенію таблицы въ ней не за что ухватиться, чтобы точно опредѣлить, какой припекъ предполагается въ ней отъ разныхъ сортовъ муки. Остается довольствоваться догадками. Возьмемъ низшій сортъ муки, изъ четверти котораго Кирѣевскій выпекъ 298 фунтовъ хлѣба. Меньше 15 фунт. на пудъ припека, кажется, не бываетъ; да и при такомъ припекѣ едвали какой пекарь согласится работать. Предположивъ такой припекъ, найдемъ, что четверть ржаной муки цѣной въ 40 денегъ по таблицѣ вѣсила 5 пудовъ 16 фунтовъ. Но къ этому надобно прибавить, что въ 1631 г. одинъ изъ преемниковъ Кирѣевскаго Львовъ производилъ новый опытъ и изъ одинаковыхъ по цѣнѣ сортовъ ржаной и пшеничной муки получилъ меньше печенаго хлѣба, чѣмъ его предшественникъ. Объясняя это, Львовъ, производившій опытъ лѣтомъ, замѣчаетъ въ своей запискѣ, что Кирѣевскій дѣлалъ опытъ зимой, а зимой четверть муки вѣситъ больше, «потому что мука въ закромѣ вызябаетъ и въ мѣрѣ садится, а нынѣ привозятъ съ мельницъ горячую муку, и въ мѣрѣ мука ставится стромка», т.-е. не такъ плотно укладывается, какъ зимой мука, давно привезенная съ мельницы и улежавшаяся. Вслѣдствіе этого вышла значительная разница въ ре-

зультатахъ обоихъ опытовъ: Кирѣевскій получилъ 434 фунт. ржанаго хлѣба изъ четверти муки цѣной въ 112 денегъ, изъ которой по опыту Львова можно было получить только 375 фунт. Уменьшивъ по этой пропорціи цифру 298, найдемъ, что изъ четверти муки цѣной въ 40 денегъ Львовъ получилъ бы только 257 фунт. Съ припекомъ въ 15 ф. на пудъ ржаной муки, не успѣвшей плотно улежаться, окажется въ четверти только 4 пуда 26 ф. Но такъ какъ припека по всей вѣроятности было больше 15 фунтовъ, то указная книга о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу даетъ нѣкоторую поддержку выводу, извлеченному изъ сопоставленія хлѣбной томской смѣты 1642 г. съ хозяйственными книгами морозовской вотчины: въ 1626—1531 г. въ Москвѣ продавали муку четвертью, которая равнялась осминѣ второй половины XVII вѣка или согласно со свидѣтельствомъ псковскаго лѣтописца была немного больше этой осмины.

Не смотря на шаткость изложенныхъ основаній можно, кажется, съ нѣкоторой вѣроятностью признать, что замѣна старой четырехпудовой четверти новой осмипудовой произошла въ промежутокъ 1642—1659 годовъ, т.-е. около половины XVII в.

Эта четырехпудовая четверть, какъ мы видѣли, употреблялась въ Москвѣ и въ XVI в. Но есть указанія, возбуждающія недоумѣніе о четверти, какая была въ ходу въ Новгородской землѣ во второй половинѣ этого вѣка. Въ таможенной грамотѣ 1563 г., данной таможеннымъ цѣловальникамъ города Орѣшка и его уѣзда, и потомъ въ откупной грамотѣ 1587 г. о сборѣ отданныхъ на откупъ таможенныхъ пошлинъ въ Великомъ Новгородѣ читаемъ одинаковое постановленіе: «продавати и купити хлѣбъ всякой въ новую мѣру и пятно (клеймо) на мѣрахъ держати, а старыхъ мѣръ не держати и хлѣбъ въ старую мѣру не продавати и не купити» [1]. Изъ недоумѣнія, возбуждаемаго вопросомъ объ отношеніи этой новой мѣры къ старой, можно выйти двумя догадками. Прежде всего возникаетъ предположеніе, не хотѣло ли московское правительство, завершая политическое и административное объединеніе государства, водворить на всемъ его пространствѣ единство мѣръ и вѣсовъ, вытѣснивъ мѣстныя метрическія единицы московскими. Въ такомъ случаѣ подъ новой мѣрой въ приведенныхъ таможенныхъ уставахъ надобно разумѣть московскую четверть, а подъ старой мѣстную новгородскую. Но этому мѣ-

[1] Акты Арх. Эксп. I, № 335. Доп. къ Акт. Ист. I, № 116.

шаетъ одно обстоятельство: новгородская четверть, вмѣстимостью превосходившая московскую въ $1^1/_2$ раза, не исчезла съ рынка и послѣ указанныхъ таможенныхъ грамотъ. Приблизительно до половины XVII вѣка, когда дѣйствовала московская четырехпудовая четверть, новгородскій хлѣбный рынокъ пользовался шестипудовой четвертью, которую признавало и московское правительство. Когда московская казенная четверть изъ четырехпудовой превратилась въ осмипудовую, тогда и новгородская удвоилась. Значитъ, и послѣ выраженнаго въ грамотѣ 1563 г. и повтореннаго грамотой 1587 г. рѣшительнаго запрещенія держать на новгородскомъ рынкѣ старую мѣру, мѣстная новгородская четверть не только не была вытѣснена казенной московской, но и при измѣненіи обѣихъ сохранилось ихъ прежнее метрическое отношеніе другъ къ другу. Притомъ нѣсколько странно, что въ обоихъ приведенныхъ актахъ московское правительство, вводя въ Новгородѣ свою *старую* московскую мѣру, называетъ ее *новой* мѣрой, а не просто московской, какъ оно обыкновенно выражается въ другихъ таможенныхъ грамотахъ, когда говоритъ о своей казенной четверти. Гораздо надежнѣе другое предположеніе: новая мѣра та же старая новгородская мѣра; только теперь посуда этой мѣры, провѣренная и заклейменная, была введена правительствомъ съ запрещеніемъ употреблять прежнюю посуду, которая дѣлалась безъ надлежащаго надзора и контроля и могла подвергаться фальсификаціи съ корыстной цѣлью, въ ущербъ покупателю хлѣба или казенной таможнѣ, собиравшей помѣрную пошлину съ продаваемаго хлѣба по количеству четвертей. Въ таможенной грамотѣ 1563 г. есть намекъ, какъ будто оправдывающій такое предположеніе: она грозитъ штрафомъ тому, «кто учнетъ пудъ свой держати и товаръ вѣсити, или въ мѣру въ свою учнетъ хлѣбъ продавати, не въ пятенную мѣру». Рѣчь какъ будто идетъ не о мѣрахъ различной вмѣстимости, а о мѣрѣ клейменой и неклейменой, т. е. провѣренной и не провѣренной. Еще прямѣе указываетъ на то же одна заемная 1588 года: три крестьянина Новгородской земли заняли у ключника Вяжицкаго монастыря коробью овса «въ новую мѣру» [1]. Коробья новгородская мѣра, равнявшаяся двумъ новгородскимъ четвертямъ. На оборотѣ заемной отмѣчено, что одинъ изъ трехъ должниковъ «свою треть овса заплатилъ, *осмину съ третникомъ*»; значитъ, коробья овса, занятая всѣми троими, содержала въ себѣ 4 осмины «въ новую мѣру», т. е. тѣ же двѣ нов-

[1] Акт. Юрид. № 251.

городскія четверти, потому что московскихъ осминъ въ новгородской коробьѣ было 6, а не 4. Но всего болѣе подтверждается второе предположеніе сравненіемъ приведенныхъ таможенныхъ грамотъ съ другими, въ которыхъ помѣрная пошлина разсчитана прямо на московскую четверть [1]. Здѣсь также запрещается продавать хлѣбъ «не въ пятенную мѣру». При этомъ здѣсь установляются такія таможенныя нормы: съ четырехъ московскихъ четвертей всякаго хлѣба помѣрной пошлины 1 деньга; кто продастъ 4 четверти, не явивъ помѣрщикамъ, съ того 1 рубль штрафа; кто продастъ безъ явки меньше 4 четвертей, но не меньше двухъ, или меньше двухъ четвертей, но не меньше осмины, съ того взять штрафъ «по разсчету, какъ емлютъ протаможье съ 4 четвертей»; меньше осмины позволялось продать безъ явки и безпошлинно. Тѣ же нормы встрѣчаемъ въ таможенныхъ грамотахъ орѣховской 1563 г. и новгородской 1587 г.; только здѣсь цифры другія. По орѣховской грамотѣ пошлины съ $1^1/_3$ четверти «новой мѣры» назначается 1 четверетца, т. е. четверть новгородской деньги; такъ какъ послѣдняя была вдвое больше деньги московской, то четверетца равнялась московской полуденьгѣ: дѣйствительно въ новгородской грамотѣ съ $1^1/_3$ четверти хлѣба положено пошлины полденьги. Такъ какъ въ другихъ таможенныхъ грамотахъ 1 деньга пошлины положена на 4 четверти московскихъ, то $1^1/_3$ четверть новгородской и орѣховской грамоты соотвѣтствуетъ 2 четвертямъ московскимъ. Въ такой же пропорціи измѣнены и другія цифры: 4 московскія четверти соотвѣтствуютъ $2^2/_3$ четвертямъ, осмина замѣнена третью четверти. Если треть новгородско-орѣховской четверти равнялась половинѣ четверти московской, то первая четверть равнялась $1^1/_2$ второй: это и есть то самое отношеніе, какое существовало между новгородской и московской четвертью въ XVII в. Очевидно, въ новгородской и орѣховской таможенныхъ грамотахъ тарифныя нормы по московскому счету переложены на метрическую систему Новгорода Великаго. Такъ какъ въ Москвѣ не было никакой нужды вводить въ Новгородѣ новую мѣру, отличную отъ московской, то она хотѣла въ интересѣ таможеннаго сбора только упрочить своимъ клеймомъ старую мѣстную мѣру, оградивъ ее отъ порчи, какой обыкновенно подвергаются торговыя мѣры и вѣсы при отсутствіи надзора и провѣрки. Можетъ быть, при этомъ была установлена и новая ходячая

[1] Таковы, напримѣръ, бѣлозерская таможенная 1551 г., весьегонская 1563 г., села Еремѣйцева Ярославскаго уѣзда 1588 г., Чарондская 1592 г. А. Археогр. Эксп. I, № № 230, 263, 342 и 356.

единица мѣры взамѣнъ прежней, что собственно и разумѣли грамоты новгородская и орѣховская подъ «новой» и «старой» мѣрой: напримѣръ, прежде самая крупная мѣрная посуда, которой продавали хлѣбъ на тамошнихъ рынкахъ, могла быть въ осмину, а теперь для болѣе удобнаго расчисленія тарифа была введена клейменая посуда въ четверть.

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о *мѣхѣ* или *мѣшкѣ*. По-видимому онъ служилъ больше тарой, чѣмъ мѣрой: мѣшками не столько мѣрили, сколько продавали или ссыпали хлѣбъ. Поэтому мѣшки могли быть очень разнообразны по объему. Впрочемъ есть нѣкоторыя указанія, какъ будто намекающія на однообразную вмѣстимость наиболѣе ходячаго мѣшка. Псковской лѣтописецъ говоритъ о дешевизнѣ предметовъ первой необходимости въ 1467 году: зобница ржи стоила 18 денегъ, овса 8 денегъ, пудъ соли 3 деньги. Въ 1499 г. онъ жалуется на дороговизну: четвертка ржи стоила 9 денегъ, овса 4 деньги; значитъ, зобница ржи стоила 36 д., овса 16 д., ровно вдвое дороже 1467 г. Можно предположить, что тоже было и съ солью, а соли мѣхъ покупали въ 1499 г. по 35 ден. и меньше: значитъ, мѣхъ соли вѣсилъ 5-6 пуд. [1] Это само по себѣ шаткое сопоставленіе находитъ неожиданную поддержку въ упомянутой выше смѣтѣ казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ по Томскому разряду 1642 г. Въ смѣтѣ обозначено муки ржаной 91 мѣхъ: по мѣрѣ казенной томской осмины оказалось въ этихъ мѣшкахъ муки $125\frac{1}{8}$ четверти, т. е. по 1,37 четверти въ мѣшкѣ. При тогдашней четырехпудовой четверти мѣшокъ муки ржаной вѣсилъ около $5\frac{1}{2}$ тогдашнихъ или около $6\frac{1}{3}$ нынѣшнихъ пудовъ.

III.

Теперь обратимся къ изученію хлѣбныхъ цѣнъ. Напередъ изложимъ пріемы этого изученія.

Въ изданныхъ памятникахъ XVI и XVII в. можно набрать значительный запасъ хлѣбныхъ цѣнъ. Но немногія изъ нихъ годятся въ дѣло. Большею частію то больныя цѣны, или голодныя, или, если можно такъ выразиться, слишкомъ сытыя, дешевыя. Онѣ потому и были отмѣчены въ свое время, что стояли выше или ниже нормальнаго уровня. Въ древней Руси этотъ уровень былъ чрезвычайно ша-

[1] Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 231 и 271.

токъ. Причиной этого была патологія древнерусскаго рынка. Онъ былъ удивительно пугливъ; малѣйшее затрудненіе производило на немъ панику. Въ урожайные годы замѣшательство въ подвозѣ поднимало цѣны втрое, вчетверо и болѣе. Разъ въ Псковѣ (въ 1467 г.) вдругъ вздорожалъ хмѣль, когда хлѣбъ былъ дешевъ: зобницу хмѣля продавали по 120 денегъ. Но въ немъ не было недостатка, а только отчего-то временно пріостановился его подвозъ. Скоро его навезли вдоволь и цѣна его также быстро упала до 15 ден. за зобницу, т. е. стала дешевле въ 8 разъ. Можно представить себѣ, какія колебанія производилъ неурожай. Въ голодные 1601—1603 годы цѣна ржи поднималась въ 80 и даже въ 120 разъ выше нормальнаго уровня (съ 5 денегъ за четверть до 2 и до 3 рублей). Всѣмъ этимъ затрудняется выборъ здоровыхъ, нормальныхъ цѣнъ. Въ характерѣ древнерусскаго хлѣбнаго рынка замѣчаемъ и другую особенность, повидимому противоположную первой. Она состояла въ томъ, что при мимолетныхъ болѣзненныхъ колебаніяхъ цѣнъ отъ испуга этотъ рынокъ упорно держался прежнихъ цѣнъ, какъ скоро приходилъ въ нормальное настроеніе. Эту особенность можно формулировать такъ: *хлѣбныя цѣны часто колебались, но медленно измѣнялись*. Безъ сомнѣнія главной причиной такой устойчивости нормальныхъ цѣнъ было то, что при множествѣ частныхъ, скоропреходящихъ затрудненій, часто пугавшихъ хлѣбный рынокъ, туго измѣнялись коренныя условія, вліявшія на сельское хозяйство. Благодаря этому, при изученіи движенія цѣнъ сами собой обозначаются продолжительные періоды, въ теченіе которыхъ здоровыя хлѣбныя цѣны держались приблизительно на одинаковомъ уровнѣ. Сопоставляя старинныя цѣны съ нынѣшними, надобно брать эти крупные періоды, а не отдѣльные моменты, выражающіеся въ отдѣльныхъ, случайно попавшихся изслѣдователю цѣнахъ того или другаго года. Отсюда вытекаетъ вторая задача—опредѣлить этотъ уровень, т.-е. уловить основныя цѣны, въ которыхъ выражалось дѣйствіе коренныхъ, устойчивыхъ условій хлѣбнаго рынка въ извѣстный періодъ. Разрѣшеніе этой задачи затрудняется разнообразіемъ, какимъ, не смотря на эту устойчивость, отличаются даже повидимому нормальныя цѣны, отмѣченныя въ памятникахъ одного и того же періода. Это разнообразіе объясняется различіемъ временъ года, къ которымъ относятся дошедшія до насъ цѣны, качествомъ или сортомъ хлѣба и тому подобными условіями, колеблющими нормальныя цѣны. Изъ всѣхъ такихъ условій на далекомъ хронологическомъ разстояніи изслѣдователь можетъ уловить только одно географическое, выражающееся въ измѣненіи цѣнъ

по мѣстностямъ, которое обусловливалось неодинаковымъ отношеніемъ спроса и предложенія на разныхъ рынкахъ. На пространствѣ вѣковъ это отношеніе значительно измѣнилось вслѣдствіе перемѣнъ, произшедшихъ въ путяхъ сообщенія, въ географическомъ размѣщеніи земледѣльческаго труда, во всемъ складѣ народнаго хозяйства. Во многихъ южныхъ черноземныхъ краяхъ Россіи, которые теперь служатъ главными поставщиками центральныхъ хлѣбныхъ рынковъ, въ XVI в. еще не было хлѣбопашества или оно только что заводилось. Между тѣмъ тамъ уже водворялось неземледѣльческое населеніе, которое должно было получать часть необходимаго ему хлѣба со стороны, иногда издалека. Разумѣется, отношеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ этихъ мѣстностяхъ къ цѣнамъ центральныхъ руководящихъ рынковъ тогда было далеко не то, какое существуетъ теперь. Что дѣлать съ такими мѣстными цѣнами? Чтобы яснѣе понять значеніе этого вопроса, возьмемъ такой примѣрный случай. Положимъ, четверть ржи теперь стоитъ въ Ельцѣ 7 р., а въ Москвѣ 8 р. Въ концѣ XVI в. экономическое состояніе Елецкаго края было таково, что нынѣшняя четверть ржи могла тамъ стоить 25 денегъ въ то время, когда въ Москвѣ ее покупали по 20 денегъ. Цѣль сопоставленія цѣнъ разныхъ мѣстностей состоитъ въ опредѣленіи общаго уровня цѣнъ, существовавшаго въ извѣстное время, чтобы по этому уровню узнать отношеніе старинной денежной единицы къ нынѣшней. Сравнивъ московскія цѣны, найдемъ, что копѣйка конца XVI в. стоила въ 80 разъ дороже нынѣшней, а по елецкимъ цѣнамъ выходитъ, что она равнялась только 56 нынѣшнимъ. Такая разница произошла, какъ легко замѣтить, отъ того, что отношеніе московскихъ цѣнъ къ елецкимъ теперь не то, какое существовало въ XVI вѣкѣ, а обратное: теперь первыя выше вторыхъ, а тогда были ниже. Получивъ два отношенія копѣйки XVI в. къ нынѣшней, столь далекія другъ отъ друга, какъ 80 и 56, надобно взять среднія цѣны, чтобы вывести среднее отношеніе. Средняя цѣна, выведенная изъ цѣнъ московской и елецкой, въ XVI в. выйдетъ выше первой, а теперь она ниже. Но дѣйствительная средняя, опредѣляющая нормальный уровень цѣнъ, въ XVI в., какъ и теперь, была ближе къ московской, чѣмъ къ елецкой, которая въ XVI в. принадлежала къ числу высокихъ, а теперь принадлежитъ къ числу низкихъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше введемъ мы въ разсчетъ цѣнъ подобныхъ елецкимъ, тѣмъ получаемыя нами среднія все болѣе будутъ удаляться отъ нормальнаго уровня, приближаясь однѣ къ высшему предѣлу, другія къ низшему. Опредѣляя помощію такихъ среднихъ

рыночное отношеніе старинной денежной единицы къ нынѣшней, мы очевидно беремъ величины несоизмѣримыя, сравниваемъ высокія цѣны XVI в. съ нынѣшними низкими. Поэтому цѣны, какія держались на нѣкоторыхъ мѣстныхъ рынкахъ древней Руси, находившихся въ исключительномъ положеніи, и которыя стояли къ цѣнамъ московскаго рынка въ отношеніи обратномъ ихъ нынѣшнему отношенію, должны быть причислены къ больнымъ, ненормальнымъ, и подобно голоднымъ не могутъ быть вводимы въ разсчетъ.

Основаніемъ при опредѣленіи отношенія старинныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ послужитъ намъ таблица хлѣбныхъ цѣнъ 1882 г., помѣщенная въ изданіи Департамента земледѣлія и сельской промышленности: *1882 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи* (общій обзоръ года). Въ этой таблицѣ сведены среднія цѣны хлѣба, выведенныя по губерніямъ на основаніи полученныхъ отъ сельскихъ хозяевъ свѣдѣній о томъ, почемъ продавали они полевыя произведенія на мѣстѣ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1882 г. (стр. 40—52). Въ сельскохозяйственномъ отношеніи этотъ годъ отличался особенностями, которыя представляютъ нѣкоторыя удобства изучающему исторію русскихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ нечерноземной полосѣ, которая составляла большую часть территоріи Московскаго государства XVI и XVII в., урожай ржи былъ вообще хорошій, въ сѣверныхъ, восточныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ черноземной полосы средній или даже нѣсколько ниже средняго; тоже было съ ячменемъ и гречихой; урожай яровой пшеницы и овса былъ большею частью средній, мѣстами, преимущественно также въ нечерноземной полосѣ, въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ, даже выше средняго. Такимъ образомъ по урожаю главныхъ хлѣбовъ, наполнявшихъ древнерусскій хлѣбный рынокъ, 1882 годъ возстановилъ приблизительно то состояніе, въ какомъ находилось земледѣльческое производство въ старой московской Руси: вообще не выходя изъ предѣловъ нормальнаго, урожай этого года далъ лучшій сборъ на нечерноземной, нежели на черноземной почвѣ. Въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. нечерноземная почва точно также давала больше хлѣба, нежели черноземная, гдѣ успѣхамъ земледѣлія мѣшали рѣдкость населенія и неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства. Климатическія условія сдѣлали въ 1882 г. то же, что два-три вѣка назадъ дѣлали условія историческія. Другая особенность заключалась въ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ этого года. По замѣчанію названнаго выше изданія, хлѣбная торговля

отличалась въ 1882 г. неустойчивостью и пониженіемъ цѣнъ, особенно съ августа. Хлѣбныя цѣны этого года стояли на 10 — 30% ниже цѣнъ 1881 г. Главною причиной такого упадка цѣнъ была слабость заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ. Въ Венгріи, Германіи, Франціи, Англіи былъ хорошій урожай; къ тому же Америка поставила на европейскіе рынки громадное количество своего хлѣба по очень дешевой цѣнѣ. Вліяніе заграничнаго спроса на уровень русскихъ хлѣбныхъ цѣнъ есть условіе русскаго хлѣбнаго рынка, котораго не знала старая московская Русь. Тогда хлѣбъ не былъ важною статьей русскаго вывоза, и цѣны его опредѣлялись исключительно качествомъ урожая. Значитъ, и по характеру хлѣбныхъ цѣнъ 1882 годъ напоминаетъ древнюю Русь: въ этотъ годъ слабо дѣйствовало условіе, поднимающее цѣны на хлѣбъ, которое на древнерусскомъ хлѣбномъ рынкѣ совсѣмъ не дѣйствовало или оказывало малозамѣтное дѣйствіе. Вслѣдствіе этого при опредѣленіи отношенія хлѣбныхъ цѣнъ этого года къ старинымъ знаменатели отношенія выйдутъ нѣсколько меньше тѣхъ, какіе получились бы на основаніи болѣе высокихъ цѣнъ другаго года: сравнивая, напримѣръ, старинную цѣну ржи съ цѣной 1882 г., мы найдемъ, что послѣдняя въ 80 разъ выше первой, тогда какъ цѣна 1881 г. выше той же старинной разъ въ 85. Это представляетъ то удобство, что и въ отношеніи старинной денежной единицы къ нынѣшней, выведенномъ помощію сравненія хлѣбныхъ цѣнъ, труднѣе будетъ подозрѣвать преувеличеніе дороговизны старинныхъ денегъ сравнительно съ нынѣшними: получивъ, напримѣръ, изъ сопоставленія хлѣбныхъ цѣнъ выводъ, что рубль извѣстнаго времени стоилъ на рынкѣ 80 нынѣшнихъ, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью думать, что на самомъ дѣлѣ онъ стоилъ скорѣе дороже, чѣмъ дешевле этого. Эта увѣренность усиливается еще двумя вводимыми въ нашъ разсчетъ условіями, благодаря которымъ также понижается знаменатель отношенія старыхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ: дѣля нынѣшнюю цѣну на древнюю для опредѣленія этого отношенія, мы беремъ такія цифры нынѣшней цѣны, которыя нѣсколько меньше надлежащихъ, и такія цифры древней цѣны, которыя выше надлежащихъ, т.-е. дѣлимъ наименьшее дѣлимое на наибольшаго дѣлителя, уменьшая частное съ обѣихъ сторонъ. Нынѣшнія среднія цѣны хлѣба въ упомянутой таблицѣ выведены изъ данныхъ, показывающихъ, почемъ продавали хлѣбъ на мѣстѣ сами производители, а большая часть старыхъ цѣнъ, вошедшихъ въ наши вычисленія, показываетъ, почемъ покупали хлѣбъ на рынкѣ потребители. Значитъ, мы сравниваемъ величины не вполнѣ соизмѣримыя, беремъ такія нынѣшнія цѣны, въ составъ которыхъ не

входятъ ни плата за провозъ, ни барышъ скупщика-торговца, ни внутренняя таможенная пошлина, которой была обременена древнерусская хлѣбная торговля и отъ которой свободенъ хлѣбъ на нынѣшнемъ рынкѣ: словомъ, мы уменьшаемъ отношеніе старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ на всю сумму накладныхъ расходовъ, которые поднимаютъ цѣну хлѣба на пути отъ производителя къ потребителю. Съ другой стороны, высчитывая отношеніе старыхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ, мы будемъ приравнивать московскую четверть съ половины XVII в. къ нынѣшней, а четверть болѣе ранняго времени къ половинѣ нынѣшней четверти. Но это не вполнѣ точно: старая московская осмипудовая четверть ржи по отношенію стараго московскаго пуда къ современному вѣсила нѣсколько больше нынѣшней; если въ нынѣшней нормальной четверти ржи считать 9 пуд. 5 фунт., то старая московская осмипудовая вѣсила около 9 пуд. 13 фунт. нынѣшнихъ. Соотвѣтственный этому перевѣсъ передъ нынѣшней осминой имѣла и четырехпудовая московская четверть XVI и первой половины XVII в. Такимъ образомъ для полученія точнаго отношенія старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ слѣдовало бы нѣсколько возвышать послѣднія или уменьшать первыя; не дѣлая этого, мы опять уменьшаемъ частное, получаемое отъ дѣленія послѣднихъ на первыя.

Однако изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что мы намѣренно сравниваемъ несоизмѣримыя величины, чтобы получить завѣдомо неточный выводъ. Несоизмѣримость эта только кажущаяся. Чтобы видѣть это, надобно ближе войти въ сущность нашей задачи. Эта задача состоитъ въ оцѣнкѣ мѣновой стоимости стариннаго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ, или, говоря проще, въ опредѣленіи того, во сколько разъ большее количество хозяйственныхъ благъ можно было пріобрѣсти на старинный рубль сравнительно съ нынѣшнимъ. Вполнѣ точная оцѣнка должна быть основана на всей совокупности хозяйственныхъ благъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги. При невозможности взять въ разсчетъ всю ихъ совокупность, мы ограничиваемся цѣнами хлѣба, какъ предмета, вѣрнѣе другихъ выражающаго мѣновое значеніе денежной единицы. Но хлѣбъ по своей стоимости не всегда имѣетъ одинаковое отношеніе къ суммѣ остальныхъ предметовъ, необходимыхъ человѣку и пріобрѣтаемыхъ за деньги. Значительный заграничный спросъ на русскій хлѣбъ теперь держитъ хлѣбныя цѣны въ Россіи на уровнѣ выше того, на какомъ онѣ стояли сравнительно съ другими предметами первой необходимости

въ XVI и XVII вв., когда этого условія не существовало. Слѣдовательно въ общей суммѣ необходимыхъ потребностей русскаго человѣка хлѣбъ теперь составляетъ болѣе цѣнную статью, чѣмъ какую онъ составлялъ два-три вѣка назадъ. Опредѣляя по однимъ хлѣбнымъ цѣнамъ сравнительное мѣновое значеніе стариннаго и нынѣшняго рубля, мы оцѣнимъ первый выше, а второй ниже того, какъ оцѣнили бы его, взявъ въ разсчетъ всю совокупность необходимыхъ потребностей. Чтобы нагляднѣе выразить то, о чемъ идетъ рѣчь, воспользуемся такой примѣрной схемой: если древнерусскому человѣку стоило 1 рубль такое же количество предметовъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ, какое намъ обходится въ 20 рублей, и если при этомъ на хлѣбъ онъ издержалъ 10 коп., десятую долю всѣхъ своихъ расходовъ, то теперь за такое же количество хлѣба надобно заплатить $2^1/_2$ рубля, не десятую, а осмую часть всѣхъ расходовъ и не въ 20, а въ 25 разъ дороже того, что стоила эта статья древнерусскому человѣку. Соотвѣтственно этому и старинный московскій рубль по хлѣбнымъ цѣнамъ будетъ равняться 25 нынѣшнимъ, а по стоимости всѣхъ необходимыхъ предметовъ только 20. Чтобы устранить эту разницу и возстановить болѣе точное отношеніе, надобно нѣсколько возвысить старыя цѣны или уменьшить нынѣшнія: это именно и дѣлаютъ изложенныя условія, введенныя въ наши вычисленія. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно обстоятельство. Въ древней Руси процентъ населенія, занимавшагося хлѣбопашествомъ, былъ гораздо выше нынѣшняго. Численный перевѣсъ сельскаго населенія надъ городскимъ въ настоящее время слабѣе прежняго; притомъ въ древней Руси значительная часть и городскаго населенія занималась хлѣбопашествомъ. Все это при отсутствіи или слабости вывоза хлѣба за границу уменьшало оборотъ хлѣбной торговли, т. е. количество потребителей, покупавшихъ хлѣбъ. Пользуясь опять примѣрной схемой, можно предположить, что если въ древнее время у насъ изъ 20 человѣкъ занимались хлѣбопашествомъ 19, то теперь имъ занимается только 17; притомъ первые 19 пахали на 20 потребителей, а послѣдніе 17 пашутъ на 22, т. е. на 20 внутреннихъ потребителей и на 2 иностранцевъ, получающихъ хлѣбъ изъ Россіи. Въ первомъ случаѣ оборотъ хлѣбной торговли выразится цифрой 1, во второмъ цифрой 5. Благодаря такому ограниченному числу потребителей, покупавшихъ хлѣбъ, большая часть продажнаго хлѣба переходила отъ производителя-продавца къ потребителю-покупателю на мѣстѣ, не уходя на далекіе рынки, а внутренняя таможенная пошлина побуждала того и другаго

избѣгать и ближайшихъ оффиціально признанныхъ рынковъ. Можетъ быть, бо́льшее количество продажнаго хлѣба тогда шло въ оборотъ, минуя рынокъ, гдѣ была таможня; поэтому, древнерусскія торговыя цѣны не вполнѣ точно выражаютъ дѣйствительную стоимость хлѣба, которая была нѣсколько ниже ихъ, да и торговыя цѣны не вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣнамъ нынѣшнихъ главныхъ рынковъ, потому что хлѣбъ, поступая на тогдашній рынокъ потребленія изъ ближайшихъ къ нему мѣстъ производства, былъ свободенъ отъ доброй доли накладныхъ расходовъ, которые теперь наростаютъ на его цѣнѣ вслѣдствіе передвиженія его на далекія разстоянія и неизбѣжнаго при этомъ размноженія посредниковъ, которые становятся между производителемъ и потребителемъ. Если бы у насъ былъ обильный запасъ извѣстій о хлѣбныхъ цѣнахъ какъ на крупныхъ, такъ и на мелкихъ древнерусскихъ рынкахъ, изъ этого запаса можно было бы выбрать цѣны, соотвѣтствующія тѣмъ, какія держатся на главныхъ русскихъ рынкахъ нашего времени. Но въ древнерусскихъ памятникахъ находимъ немного такихъ извѣстій и очень значительная, если не большая часть ихъ идетъ съ рынковъ далеко не главныхъ или даже даетъ не торговыя, не потребительскія цѣны, а такія, по которымъ покупали хлѣбъ изъ первыхъ рукъ, прямо отъ производителя. Вообще древнерусскія хлѣбныя цѣны, которыми можетъ располагать изслѣдователь, ближе къ производительскимъ, чѣмъ къ потребительскимъ. Поэтому и сравнивать ихъ слѣдуетъ съ низшими изъ нынѣшнихъ цѣнъ; въ противномъ случаѣ мы будемъ сравнивать низшія старинныя цѣны съ высшими современными, получая при каждомъ сравненіи такое частное отъ дѣленія послѣднихъ на первыя, которое больше знаменателя дѣйствительнаго отношенія старыхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ.

Итакъ, вводя въ разсчетъ такія условія, которыя уменьшаютъ этого знаменателя, мы этимъ только уравновѣшиваемъ рядъ другихъ условій, производящихъ обратное дѣйствіе, исправляемъ неточность, происходящую отъ измѣнившагося значенія хлѣбныхъ цѣнъ. Руководясь изложенными соображеніями, мы будемъ высчитывать по хлѣбнымъ цѣнамъ рыночное отношеніе стариннаго рубля къ нынѣшнему.

IV.

Отъ послѣдняго года XV вѣка дошелъ до насъ рядъ данныхъ, которыя могутъ послужить точкой отправленія при изученіи хлѣбныхъ цѣнъ XVI вѣкѣ. Въ извѣстной окладной книгѣ Вотьской пя-

тины 1500 г. хлѣбный оброкъ, какой платили въ казну оброчные крестьяне, сидѣвшіе на казенной государевой землѣ, иногда замѣняется денежнымъ. [1] Узнаемъ, что коробья ржи стоила 10 тогдашнихъ новгородскихъ денегъ, пшеницы 14 д., ячменя 7 д., овса 5 д. Такъ какъ мы занимаемся не мѣстнымъ новгородскимъ, а московскимъ рублемъ, который потомъ сталъ общерусскимъ, то приведенное извѣстіе новгородскаго памятника надобно переложить на московскія метрическія единицы. Тогдашніе рубли новгородскій и московскій были счетныя денежныя единицы различной величины; по количеству серебра новгородская деньга была вдвое больше московской, а новгородскій рубль слишкомъ вдвое больше московскаго: въ первомъ считалось 216 новгородскихъ денегъ или 432 московскихъ, а во второмъ 200 московскихъ или 100 новгородскихъ денегъ. Со времени указа 1536 г., нѣсколько понизившаго вѣсъ новгородскихъ денегъ или новгородокъ, повелѣвшаго выдѣлывать ихъ изъ полуфунта серебра 300 вмѣсто прежнихъ 260, новгородки по новому «знамени» или штемпелю, на нихъ появившемуся (великій князь на конѣ съ копьемъ въ рукѣ), стали зваться еще «деньгами копѣйными» или *копѣйками*, а за вдвое меньшей по вѣсу московской деньгой осталось названіе *московки* или *деньги* въ собственномъ смыслѣ. Поэтому съ нынѣшней копѣйкой, сотой долей нашего рубля, мы будемъ сопоставлять одну новгородку или двѣ деньги московки, которыя въ концѣ XV в. составляли также сотую часть тогдашняго *московскаго* рубля. Новгородская коробья содержала въ себѣ двѣ новгородскія четверти, а новгородская четверть равнялась $1\frac{1}{2}$ московскихъ. Принявши въ разсчетъ эту разницу въ хлѣбной мѣрѣ, найдемъ, что третья часть коробьи, равная московской четверти, стоила—ржи $3\frac{1}{3}$ новгородки, пшеницы $4\frac{2}{3}$, ячменя $2\frac{1}{3}$, овса $1\frac{2}{3}$. Принимая московскую четверть того времени за половину нынѣшней, эти цѣны надобно еще удвоить. Перелагая хлѣбный оброкъ на деньги, казна, вѣроятно, соображалась съ мѣстными цѣнами хлѣба, разумѣется, не обижая и себя. Можно думать, что ея оцѣнка приближалась къ торговой цѣнѣ хлѣба на главномъ рынкѣ края, въ Новгородѣ, если не совпадала съ ней: этимъ можно объяснить и то, что казна нашла возможнымъ назначить одинаковыя цѣны оброчнаго хлѣба для всѣхъ уѣздовъ Вотьской пятины, описанныхъ въ книгѣ 1500 г. Это предположеніе оправдывается и лѣ-

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос. кн. XI, отд. II, стр. 2, 3, 10 и 116; кн. XII, отд. II, стр. 36. Новгор. писц. книги, изд. Археогр. Комм., т. 3, ст. 5 и др.

тописными извѣстіями о хлѣбныхъ цѣнахъ. Разсказывая о поставленіи архіепископа Макарія на новгородскую каѳедру въ 1526 г., мѣстный лѣтописецъ замѣчаетъ, что при этомъ владыкѣ Господь послалъ его епархіи времена тихія и прохладныя и «обиліе веліе»: коробью ячменя покупали по 7 новгородокъ, т. е. по той же цѣнѣ, какая назначена въ писцовой книгѣ 1500 г. Съ другой стороны, въ Псковѣ въ 1485 г., за 15 лѣтъ до составленія этой книги, при хорошемъ, хотя не повсемѣстномъ урожаѣ яроваго покупали четверть ячменя по 5 псковскихъ денегъ, 1½ деньгами дороже казенной оброчной таксы 1500 г., а зобницу (двѣ коробьи) овса по 10 и по 12 денегъ, т.-е. ровно по той же цѣнѣ, какая назначена въ книгѣ 1500 г., или съ прибавкой 1 деньги на коробью [1]. Уѣзды Вотьской пятины, описанные въ окладной книгѣ 1500 г. (Новгородскій, Копорскій, Ямскій, Ладожскій, Орѣховскій и Корельскій), захватываютъ уголъ нынѣшней Новгородской губерніи, большую часть Петербургской и значительную часть Выборгской губерніи. Въ изданіи департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства 1882 г. нѣтъ цѣнъ Выборгской губерніи. По Петербургской губерніи въ изданіи не показаны цѣны яровой пшеницы; притомъ остальныя цѣны довольно близки къ новгородскимъ: однѣ, какъ цѣны ржи, немного ниже ихъ, а другія, какъ цѣны овса, немного выше. Потому мы введемъ въ разсчетъ только среднія цѣны Новгородской губерніи. Удвоивъ выведенныя выше по книгѣ 1500 г. цѣны хлѣба въ уѣздахъ Вотьской пятины, получимъ слѣдующій рядъ отношеній, въ которыхъ послѣдующіе члены означаютъ выраженныя въ новгородкахъ старинныя вотьскія цѣны количества хлѣба, приблизительно равняющагося нынѣшней торговой четверти, предыдущіе члены выраженныя въ копѣйкахъ среднія цѣны этой четверти въ Новгородской губерніи 1882 г., а знаменатели отношеній показываютъ, во сколько разъ по сравненію тѣхъ и другихъ цѣнъ московскій рубль конца XV в. стоилъ на рынкѣ дороже нынѣшняго:

Рожь	900: $6^2/_3$	= 135.
Пшеница	1200: $9^1/_3$	= 128.
Ячмень	635: $4^2/_3$	= 136
Овесъ	390: $3^1/_3$	= 117.

Средній знаменатель 129. Мы не впадемъ въ неточность, если, при-

[1] Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 148; V, 44. Псковская деньга была равна новгородкѣ, а псковская четверть вѣроятно и въ XV в., какъ въ XVII, была немного больше новгородской.

ближая этого знаменателя къ знаменателю ржи, какъ главнаго хлѣба, положимъ, что *московскій рубль конца XV в. по хлѣбнымъ цѣнамъ Вотьской пятины равнялся 130 нынѣшнимъ.*

Цѣны XVI в. гораздо болѣе затрудняютъ изслѣдованіе. Извѣстія этого вѣка даютъ два ряда цѣнъ, дешевыхъ и дорогихъ, хотя и не голодныхъ. Первыя почти не измѣняются въ продолженіе всего столѣтія; но онѣ страдаютъ географической неопредѣленностью, не пріурочены къ мѣсту. Изъ записокъ Герберштейна узнаемъ, что въ 1520 годахъ вообще въ Московіи, когда она не страдала отъ неурожая, принятая тамъ мѣра хлѣба продавалась по 4, 5 и 6 денегъ. По сравненію съ другими извѣстіями видно, что Герберштейнъ разумѣлъ подъ этой мѣрой московскую четверть и именно четверть ржи. Одинъ хронографъ, говоря о голодѣ, начавшемся въ Московской землѣ въ 1601 г., замѣчаетъ, что до этого голода покупали бочку или оковъ ржи по 3 алтына и по гривнѣ, т. е. по $4^1/_2$ или по 5 денегъ четверть: это даже немного дешевле казенной оцѣнки ржи сто лѣтъ назадъ, по книгѣ Вотьской пятины 1500 г. Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588 и 1589 г., говоря объ изобиліи и дешевизнѣ хлѣба въ Московіи, прибавляетъ, что пшеница продается иногда по 2 алтына четверть: если перевести московскую мѣру на новгородскую, то найдемъ, что новгородская коробья пшеницы, стоившая по книгѣ 1500 г. 14 новгородскихъ денегъ, по цѣнѣ Флетчера стоила бы 18 новгородскихъ [1]. Въ извѣстіяхъ XVI в. не находимъ дешевыхъ цѣнъ овса и ячменя; но ихъ можно приблизительно возстановить по тому отношенію, какое существовало въ древней Руси между стоимостью разныхъ видовъ зернового хлѣба: четверть овса цѣнилась обыкновенно вдвое дешевле четверти ржи, а четверть ржи принимали за $1^1/_4$ четверть или за 10 четвериковъ ячменя. Принявъ для московской четверти ржи въ XVI в. цѣну 5 московокъ, получимъ для четверти овса $2^1/_2$ московки, а для четверти ячменя 4. Чтобы получить стоимость нынѣшней четверти, эти цѣны надобно удвоить, т. е. московки принять за копѣйки. Но эти цѣны не пріурочены къ опредѣленной мѣстности, являются въ источникахъ съ характеромъ обычныхъ, ходячихъ по всей Московіи, по крайней мѣрѣ въ центральныхъ ея областяхъ. Чтобы найти соотвѣтствующія имъ нынѣшнія цѣны, надобно вывести среднюю изъ среднихъ цѣнъ каждаго хлѣба въ нынѣшнихъ централь-

[1] *Герберштейнъ* въ переводѣ *Анонимова*, стр. 121. *Андр. Попова*, Изборникъ, стр. 219. *Флетчеръ*, гл. 3.

ныхъ губерніяхъ Великороссіи, т. е. Московской и смежныхъ съ нею [1]. Получимъ такой рядъ отношеній, составивъ послѣдующіе члены изъ дешевыхъ цѣнъ XVI в., выраженныхъ въ копѣйкахъ, а предыдущіе изъ среднихъ цѣнъ каждаго хлѣба по центральнымъ губерніямъ Великороссіи:

Рожь	785 к.:	5 к.	= 157.
Овесъ	307:	$2^1/_2$	= 123.
Ячмень	502:	4	= 125.
Пшеница	1057:	12	= 88.

Средній знаменатель отношеній 123. Очевидно, пониженіе этого знаменателя въ XVI в. сравнительно съ XV в. произошло отъ того, что теперь средній въ центральныхъ, «низовыхъ» областяхъ государства пшеница стоила дороже, чѣмъ въ Новгородской землѣ конца XV в.: безъ этого теперь средній знаменатель вышелъ бы больше того, какой выведенъ по книгѣ Вотьской пятины 1500 г. Итакъ *по дешевымъ цѣнамъ хлѣба московскій рубль XVI в. во 132 раза дороже нынѣшняго.*

Можно однако замѣтить, что цѣны, сообщаемыя Герберштейномъ, Флетчеромъ и русскимъ хронографомъ, держались на рынкѣ только въ особенно благопріятные годы и часто смѣнялись болѣе высокими. Правда, незначительное возвышеніе ихъ уже считалось дороговизной: тотъ же хронографъ, который сообщаетъ, что въ концѣ XVI в. покупали бочку ржи по 3 алтына и по гривнѣ, прибавляетъ: «а коли дорого, ино и по 5 алтынъ». Значитъ, 5 денегъ за четверть ржи не были цѣной дешевой изъ дешевыхъ, если $7^1/_2$ денегъ за четверть считались уже цѣной дорогой. Замѣчательно, что всѣ дошедшія до насъ хлѣбныя цѣны XVI в., которыя можно пріурочить къ какой-нибудь мѣстности, къ опредѣленному рынку, выше дешевыхъ цѣнъ Герберштейна, Флетчера и хронографа. Извѣстная Торговая Книга, изданная Сахаровымъ, по многимъ признакамъ отмѣчаетъ цѣны, господствовавшія въ городѣ Москвѣ въ концѣ XVI в. Отсюда узнаемъ, что при покупкѣ большими партіями въ столицѣ продавали пшеницу по 13 алт. 2 деньги

[1] Только для яровой пшеницы (озимой въ Московской землѣ XVI в. не сѣяли) мы взяли среднія цѣны въ губерніяхъ Московской (12 р. четверть), Тульской и болѣе отдаленныхъ Нижегородской, Костромской, Новгородской, Тамбовской и Ярославской, потому что въ изданіи департамента среднія цѣны этого хлѣба по губерніямъ ближайшимъ къ Московской не выведены по недостатку данныхъ.

бочку, т. е. по 20 денегъ четверть, а гречневую крупу по 6 алтынъ 4 деньги бочку или по 10 денегъ четверть [1]. Если эти цѣны сравнить съ московскими 1882 г., получится знаменатель отношенія значительно меньше того, какой выведенъ выше изъ сравненія дешевыхъ цѣнъ XVI в. [2]. Другія извѣстія сообщаютъ еще болѣе высокія цѣны. Герберштейнъ говоритъ, что въ годъ его поѣздки въ Московію (второй въ 1526 г.) въ Вологодской землѣ была такая дороговизна, что четверть ржи продавалась по 14 денегъ. Изъ одного духовнаго завѣщанія начала XVI в. узнаемъ, что въ Бѣлозерскомъ краю бочка ржи «въ бѣлозерскую мѣру» цѣнилась по 50 денегъ т. е. четверть стоила тѣ же 14 денегъ, о которыхъ говоритъ Герберштейнъ, а бѣлозерская мѣра, сколько можно судить о томъ по бѣлозерской таможенной грамотѣ 1551 года, была та же московская или очень близкая къ ней мѣра. Въ 1549 г. крестьяне поморской Шунгской волости (нынѣ Олонецкой губ. Повѣнецкаго уѣзда) заняли полторы коробьи ржи съ условіемъ платить ростъ «на четыре пятое зерно», т. е. 25%; по истеченіи срока займа они обязались или возвратить занятой хлѣбъ съ такимъ ростомъ, или заплатить за хлѣбъ деньгами по полтинѣ московской за коробью. Въ составъ этой полтины или 100 денегъ, разумѣется, входилъ и ростъ; сдѣлавъ учетъ по 25%, найдемъ, что коробья ржи при заключеніи займа была оцѣнена въ 80 денегъ; треть коробьи, т. е. московская казенная четверть ржи по этой оцѣнкѣ стоила $26^2/_3$ ден., почти вдвое дороже дорогой цѣны Герберштейна и слишкомъ втрое дороже дорогой цѣны хронографа. Въ приходо-расходной книгѣ Корниліева Комельскаго монастыря 1576—1578 г. находимъ нѣсколько любопытныхъ указаній на хлѣбныя цѣны и ихъ колебанія въ Вологодскомъ

---

[1] Записки отдѣл. русск. и слав. археологіи Имп. Археол. Общ., т. I, отд. III, стр. 134. По словамъ Маржерета, въ 1601 г., когда насталъ голодъ, *мѣра хлѣба* поднялась съ 15 су до 3 рублей; по хронографу именно четверть ржи тогда стали продавать по 3 руб. и выше. Маржеретъ считалъ 4 су въ алтынѣ; слѣдовательно 1 су равнялся $1^1/_2$ деньги, а 15 су $22^1/_2$ деньгамъ московкамъ. Мы относимъ эту цѣну къ московскому рынку. Сказ. современ. о Дим. Самозванцѣ, *Устрялова*, III, 50 и 74.

[2] Нынѣшняя четверть пшеницы по цѣнѣ Торговой Книги стоила 20 коп. Средняя московская цѣна ея въ 1882 г. была 12 р. Отсюда отношеніе 1200: 20=60. Нынѣшняя четверть гречневой крупы по Торговой Книгѣ стоила 10 коп. Въ четверти гречневой крупы (велегорки и продѣльной) считается 8 пуд. Пудъ этой крупы въ Москвѣ стоилъ въ 1882 г. около 135 коп. Отсюда отношеніе 1080:10=108.

краю. Въ сентябрѣ 1576 г. куплена была четверть пшеницы за 4 алтына, а въ ноябрѣ 1577 г. за четверть пшеницы и четверть ржи монастырь заплатилъ 10 алтынъ; но такъ какъ въ октябрѣ того же года монастырь купилъ 3 четверти ржи за 10 алтынъ (по 20 д. четверть), то предполагая, что цѣна ржи не измѣнилась впродолженіе мѣсяца, найдемъ, что четверть пшеницы стоила 40 денегъ, почти вдвое дороже, чѣмъ годъ назадъ. Въ апрѣлѣ 1578 г. монастырь съ одного своего должника взыскалъ 25 алт. 3 деньги за 5 четвертей ржи и за 2 четверти овса; въ мартѣ самъ монастырь купилъ 9 четвертей овса за 20 алтынъ, по $13^1/_3$ ден. четверть; при такой цѣнѣ овса монастырь засчиталъ своему должнику четверть ржи приблизительно въ 25 денегъ, немного дороже, чѣмъ самъ покупалъ рожь въ октябрѣ 1577 года [1]. Значеніе этихъ вологодскихъ цѣнъ нѣсколько уясняется сопоставленіемъ ихъ съ псковскими 1560 г. По сельско-хозяйственнымъ условіямъ Псковской край былъ довольно похожъ на Вологодскій. Въ 1560 г. въ Псковѣ покупали рожь по 16 денегъ (псковскихъ) четверть, овесъ по 12, ячмень по 20 ден., а пшеницу по 33 деньги или 11 алтынъ [2]. Переложивъ псковскія деньги и мѣры на московскія, получимъ цѣны очень близкія къ вологодскимъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, въ первомъ столбцѣ которой обозначены вологодскія цѣны московской четверти, а во второмъ псковскія, выраженныя также московками:

Рожь	20—25.....	$21^1/_3$.
Овесъ	$13^1/_3$.....	16.
Пшеница	24—40.....	44.
Ячмень	— —	$26^2/_3$.

Мы считаемъ здѣсь псковскую четверть въ полторы московскихъ; но псковскія цѣны еще болѣе приблизились бы къ вологодскимъ, если бы мы вполнѣ точно разсчитали отношеніе псковской четверти къ московской: первая была больше послѣдней слишкомъ въ $1^1/_2$ раза. Псковской лѣтописецъ, записавшій мѣстныя цѣны 1560 г., называетъ ихъ дорогими и объясняетъ причину дороговизны: въ то лѣто яровые хлѣба не уродились, а въ XVI в. яровыми хлѣбами

[1] Акты Юр. №№ 415 и 239. Рукоп. Археогр. Комм. № 100, л. 7, 33, 29 и 37.

[2] Полн. Собр. Лѣт. IV, 312.

были всѣ кромѣ ржи. Въ таблицѣ эта причина отразилась какъ на отношеніи псковскихъ цѣнъ къ вологодскимъ, такъ и на отношеніи псковскихъ цѣнъ яровыхъ хлѣбовъ къ цѣнѣ ржи. Псковскія цѣны овса и пшеницы выше вологодскихъ, тогда какъ псковская цѣна ржи приближалась къ низшей изъ двухъ вологодскихъ. Овесъ, который обыкновенно стоилъ вдвое дешевле ржи, въ Псковѣ продавался дешевле только на четверть цѣны ржи; ячмень, который, какъ мы видѣли выше, обыкновенно на 25% былъ дешевле ржи, теперь стоилъ въ Псковѣ на 25% дороже ея. Значитъ, неурожай сильно поднялъ въ Псковѣ только цѣны яровыхъ хлѣбовъ, а цѣны ржи остались на нормальномъ уровнѣ или стали немного выше его, т. е. 20 московокъ за московскую четверть можно считать не дешевой, но довольно обычной цѣной ржи въ сѣверной заволжской полосѣ центральной Великороссіи XVI в., какъ и на ея сѣверозападной новгородско-псковской окраинѣ. Это заключеніе нѣсколько поможетъ намъ разобраться въ хаосѣ дешевыхъ и дорогихъ цѣнъ XVI в. Оно подтверждается и другимъ извѣстіемъ псковской лѣтописи [1]. Въ 1543 г. въ Псковѣ былъ дорогъ всякій хлѣбъ, не одинъ яровой; но ячмень продавали по той же цѣнѣ, какъ въ 1560 г., по 20 псковскихъ денегъ мѣстную четверть, а овесъ даже дешевле, по 10 денегъ; за то рожь продавали по 25—30 денегъ мѣстную или по 33—40 московокъ московскую четверть. Сравнительно съ этими цифрами цѣна 1560 г. (21 московка) можетъ быть названа довольно умѣренной. Но и псковскія цѣны обоихъ этихъ лѣтъ далеко не достигали высшаго предѣла дороговизны, какая иногда бывала въ Московскомъ государствѣ. По словамъ Флетчера, пріѣхавшаго въ Московію въ 1588 г., тогда была здѣсь такая дороговизна, что четверть ржи и пшеницы покупали по 13 алтынъ. Въ Бѣлозерскомъ краю уже въ 1587 г. четверть ржи стоила 84 деньги, а четверть овса 56 денегъ: это вчетверо дороже недешевыхъ вологодскихъ цѣнъ 1577 и 1578 г. На сѣверѣ эта дороговизна продолжалась и въ 1589 году: въ Новгородской землѣ покупали рожь по 20 алтынъ мѣстную четверть, т. е. по 80 денегъ московскую четверть [2]. Но разсказывая объ этой дороговизнѣ, лѣтописецъ уже прямо говоритъ, что это былъ голодъ.

Изученіе хлѣбныхъ цѣнъ XVI в. вполнѣ подтверждаетъ отмѣченную выше особенность древнерусскаго хлѣбнаго рынка. Въ про-

---

[1] П. С. Лѣт. IV, 305.

[2] Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1883 г. кн. II. II. С. Лѣт. IV, 321.

долженіе столѣтія не замѣтно постепеннаго роста хлѣбныхъ цѣнъ; за то видимъ повторявшіяся отъ времени до времени сильныя ихъ колебанія. Предѣлы этихъ колебаній обозначаются цѣнами ржи, которая въ Бѣлозерскомъ краю въ 1587 г. стоила 84 деньги четверть, а въ самомъ концѣ вѣка въ Москвѣ ее продавали, по свидѣтельству хронографа, по 4—5 денегъ, т. е. въ 18 разъ дешевле. При такихъ колебаніяхъ, изучая отношеніе денежной единицы XVI в. къ нынѣшней по цѣнамъ хлѣба, очевидно, нельзя получить надежнаго вывода на основаніи однихъ дешевыхъ цѣнъ. Когда мы изъ записокъ Герберштейна и изъ русскаго хронографа узнаемъ, что четверть ржи и въ началѣ, и въ концѣ вѣка продавали по 4—6 денегъ, отсюда при другихъ извѣстіяхъ о другихъ цѣнахъ мы должны заключить, что такъ бывало часто, но далеко не было такъ всегда: значительно болѣе высокія цѣны были не мимолетнымъ и рѣдкимъ затрудненіемъ хлѣбнаго рынка, а довольно обычнымъ явленіемъ. Чтобы получить болѣе точный выводъ, надобно взять такое сочетаніе дешевыхъ и дорогихъ цѣнъ, которое выражало бы собою не одни счастливые или одни несчастные моменты древнерусскаго сельскаго хозяйства, а среднюю величину, выведенную изъ сложности тѣхъ и другихъ цѣнъ. Для этого мы возьмемъ разсмотрѣнныя выше дорогія цѣны разныхъ мѣстностей, сопоставимъ ихъ съ средними цѣнами 1882 г. по тѣмъ губерніямъ, къ которымъ эти мѣстности принадлежатъ нынѣ, выведемъ средняго знаменателя, который будетъ показывать отношеніе московскаго рубля XVI в. къ нынѣшнему по дорогимъ хлѣбнымъ цѣнамъ XVI в., наконецъ, сопоставивъ этого знаменателя съ выведеннымъ выше по дешевымъ цѣнамъ того же вѣка, возьмемъ ихъ среднюю величину, которая, какъ намъ кажется, точнѣе выразитъ отношеніе московскаго рубля XVI в. къ нынѣшнему. Повторяя при этомъ выше указанные пріемы, мы присоединимъ къ нимъ еще нѣкоторыя соображенія. По дешевымъ цѣнамъ, какъ мы сказали выше, не замѣтно постепеннаго вздорожанія хлѣба впродолженіе XVI вѣка: низкія цѣны конца этого столѣтія, отмѣченныя хронографомъ, не выше низкихъ цѣнъ, записанныхъ Герберштейномъ въ началѣ того же вѣка. Но высокія цѣны второй половины вѣка вообще значительно выше высокихъ цѣнъ первой половины: такъ, напримѣръ, Герберштейнъ въ описаніи центральной Московской области замѣчаетъ, что въ неурожайномъ 1525 году за стоившее прежде (разумѣется четверть ржи) 3 деньги здѣсь платили 20 и даже 30 денегъ, а отъ Флетчера узнаемъ, что въ 1588 г. рожь и пшеницу продавали въ Московіи по 78 ден. четверть. Трудно сказать, есть ли это

случайность, объясняющаяся скудостью дошедшихъ до насъ извѣстій, или въ самомъ дѣлѣ хлѣбныя цѣны второй половины вѣка поднимались до высоты, какой онѣ не достигали въ первую. Бо́льшая вѣроятность послѣдняго предположенія заставляетъ принять эту разницу въ разсчетъ. Поэтому всѣ отношенія, какія можно вывести изъ сравненія дорогихъ цѣнъ XVI в съ нынѣшними, мы сведемъ въ двѣ таблицы, изъ которыхъ одна основана на цѣнахъ первой половины, другая на цѣнахъ второй половины вѣка [1].

Москва 1520-хъ гг.	Рожь	840: 30 =28.
Вологда 1520-хъ гг.	Рожь	900: 14 =64.
Бѣлоозеро нач. XVI в.	Рожь	900: 14 =64.
Псковъ 1543 г.	Рожь	725: 40 =18.
	Овесъ	380: $13\frac{1}{3}$=28.
	Ячмень	565: $26\frac{2}{3}$=21.
Новгородъ 1544 г.	Рожь	900: $13\frac{1}{3}$=67.
Шунга 1549 г.	Рожь	1350: $26\frac{2}{3}$=51.

Средній знаменатель отношеній 43. Сопоставивъ его съ выведеннымъ выше знаменателемъ 123, найдемъ, что по сложности среднихъ знаменателей отношеній дешевыхъ цѣнъ XVI в. и дорогихъ цѣнъ первой его половины къ цѣнамъ 1882 г. *московскій рубль первой половины XVI в. равняется 83 нынѣшнимъ.*

Подобнымъ образомъ составимъ отношенія дорогихъ цѣнъ второй половины вѣка къ нынѣшнимъ. Принявъ дешевыя цѣны за низшій предѣлъ, до котораго падала стоимость хлѣба въ XVI в., мы можемъ ввести въ разсчетъ, какъ высшій ея предѣлъ, и такія дорогія цѣны, которыя современники считали уже голодными или близкими къ голоднымъ [2].

---

[1] Акты Юр. №№ 415 и 239. П. С. Лѣт. IV, 305; III, 150. Мы не вводимъ въ разсчетъ цѣнъ не локализованныхъ, не пріуроченныхъ къ извѣстной мѣстности, каковы отмѣченныя въ текстѣ дорогія цѣны хронографа и Флетчера, а гдѣ встрѣчаемъ нѣсколько цѣнъ одного и того же хлѣба, тамъ беремъ высшую.

[2] Къ указаннымъ въ текстѣ цѣнамъ второй половины вѣка мы прибавляемъ архангельскую указную цѣну четверти ржи и четверти овса вмѣстѣ (1596 г.). Такими парами четвертей ржи и овса, носившими названіе *юфтей хлѣба*, казна выдавала хлѣбное жалованье служилымъ людямъ и хлѣбную ругу духовенству. Когда хлѣбное жалованье замѣнялось денежнымъ, юфть хлѣба перекладывали на

Псковъ 1560 г.	Рожь	725:	$21\frac{1}{3}=34.$
	Овесъ	380:	16 $=24.$
	Ячмень	565:	$26\frac{2}{3}=21.$
	Пшеница	1200:	44 $=27.$
Вологда 1577 и 1578 гг.	Рожь	900:	25 $=36.$
	Овесъ	355:	$13\frac{1}{3}=28.$
	Пшеница	1240:	40 $=31$
Бѣлоозеро 1587 г.	Рожь	900:	84 $=11.$
	Овесъ	390:	56 $=7.$
Новгородъ 1589 г.	Рожь	900:	80 $=11.$
Архангельскъ 1596 г.	Рожь и овесъ	1750:	49 $=36.$
Москва конца XVI в.	Рожь	840:	$22\frac{1}{2}=37.$

Средній знаменатель 25. Повторивъ прежній способъ дѣйствія, найдемъ, что *московскій рубль второй половины XVI в. въ 74 раза дороже нынѣшняго.*

Легко замѣтить, что эти выводы получены довольно искусственнымъ, такъ сказать, механическимъ способомъ, который не даетъ никакого ручательства въ томъ, что выведенные посредствомъ него знаменатели показываютъ дѣйствительное среднее отношеніе хлѣб-

---

деньги по указной цѣнѣ, примѣняясь къ цѣнамъ мѣстнаго рынка; въ книгахъ о выдачѣ жалованья, напримѣръ, писалось въ XVII вѣкѣ: «за хлѣбъ жалованье деньгами по указной цѣнѣ за четь ржи по 8 алт. 2 деньги, за четь овса по 6 а. 4 д., и обоего за юфть хлѣба по 15 алт.» По грамотѣ 1596 г. о ругѣ Архангельскому монастырю положено было выдавать 49 денегъ за четверть ржи и четверть овса, разумѣется, за четверть казенную московскую. Отношеніе цѣны овса къ цѣнѣ ржи въ юфти измѣнялось, хотя нормальнымъ считалось отношеніе первой ко второй, какъ 1 къ 2. Потому мы сопоставляемъ цѣну юфти съ суммой нынѣшнихъ цѣнъ ржи и овса. *Крестинина*, Ист. опытъ о сельскомъ домостроительствѣ Двинск. народа, стр. 41. Хлѣбныхъ цѣнъ Торговой Книги мы не введемъ въ таблицу по многимъ причинамъ: нельзя сказать навѣрное, относятся ли онѣ къ XVI в., или къ началу XVII; это оптовыя цѣны, а не розничныя, каковы другія цѣны въ таблицѣ; неизвѣстно, какую бочку разумѣетъ книга, обыкновенную ли хлѣбную въ 16 тогдашнихъ пудовъ ржи, или напримѣръ упоминаемую въ книгѣ селедовку, которая была гораздо меньше; въ первомъ случаѣ цѣны Торговой Книги ближе къ дешевымъ, чѣмъ къ дорогимъ. Опускаемъ также по этой послѣдней причинѣ и цѣну овса (6 ден. четверть), отмѣченную въ одномъ актѣ Данилова переяславскаго монастыря 1566 г. Г. *Камачова*, Арх. ист. и практ. свѣд. 1860—1861 г. кн. IV.

ныхъ цѣнъ XVI в. къ нынѣшнимъ. Но болѣе надежные выводы едва ли и можно получить изъ такихъ случайныхъ и неполныхъ данныхъ, какія можно собрать въ памятникахъ XVI вѣка: для этого надобно было бы знать, насколько устойчиво держались на тогдашнихъ рынкахъ дешевыя цѣны, какъ часто смѣнялись онѣ дорогими и т. п. По крайней мѣрѣ въ своемъ разсчетѣ мы приняли всѣ предосторожности противъ преувеличенія стоимости рубля XVI в. сравнительно съ нынѣшнимъ, изъ дорогихъ цѣнъ брали самыя высокія, отбрасывая цѣны, приближавшіяся къ дешевымъ, такъ что выведенные нами за обѣ половины XVI в. знаменатели можно считать наименьшими, какіе можно вывести изъ извѣстныхъ цѣнъ XVI в., а такіе знаменатели представляютъ меньше опасности, чѣмъ преувеличенные: руководствуясь такими знаменателями, изслѣдователь экономическаго быта того вѣка надѣлаетъ меньше ошибокъ. Трудно придумать средство провѣрить, что полученные нами выводы если и не выражаютъ вполнѣ точно цѣнности рубля XVI в. сравнительно съ нынѣшнимъ, то и не преувеличиваютъ ея. Цѣны другихъ предметовъ потребленія не могутъ служить такой повѣркой, потому что значеніе самихъ этихъ цѣнъ опредѣляется цѣнами хлѣба. Всѣ эти предметы можно раздѣлить на два разряда, рѣзко различавшіеся между собою по сравнительной стоимости, какую они имѣли въ XVI вѣкѣ: къ одному разряду можно отнести предметы привозные, къ другому туземные. Выше было уже замѣчено, что въ суммѣ потребностей человѣка, которымъ удовлетворяетъ рынокъ, хлѣбъ составлялъ въ древней Руси болѣе дешевую статью, чѣмъ какую составляетъ онъ теперь. Но если всѣ другіе предметы кромѣ хлѣба обходились древнерусскому потребителю дороже, чѣмъ обходятся они намъ, то особенно дорого стоили ему предметы привозные, что объясняется условіями внѣшней торговли Россіи въ тѣ вѣка. Въ слѣдующей таблицѣ показаны выраженныя въ копѣйкахъ и пудахъ отношенія нынѣшнихъ цѣнъ нѣкоторыхъ изъ этихъ привозныхъ предметовъ къ цѣнамъ второй половины XVI и начала XVII в., заимствованнымъ изъ записки Барберини и частію изъ Торговой Книги; въ этой таблицѣ мы сопоставили высшія нынѣшнія московскія цѣны съ низшими тогдашними московскими же цѣнами, чтобы получить знаменателей отношеній выше среднихъ и такимъ образомъ нагляднѣе показать, какъ далеко не достигаютъ и эти преувеличенные знаменатели до выведеннаго нами общаго знаменателя отношеній хлѣбныхъ цѣнъ [1].

[1] *Барберини* въ Сынѣ Отечества 1842 г., № 7, стр. 46. Изъ Торговой

Перецъ (черный)	1200:	411=2,9.
Сахаръ головной	850:	343=2,4.
Гвоздика	3000:	2000=1,5.
Мускатные орѣхи	8000:	1028=7,7.
Имбирь	1400:	411=3,4.
Черносливъ	1100:	43=25,5.
Изюмъ	1100:	34=32,3.
Бумага хлопчатая	1400:	103=13,6.
— писчая (стопа)	1200:	40=30,5.

Сами по себѣ эти отношенія ничего не значатъ или значатъ противное тому, что должны значить. Если, напримѣръ, стопу писчей бумаги въ концѣ XVI в. въ Москвѣ покупали по 4 гривны, а мы покупаемъ по 13 р., отсюда вовсе не слѣдуетъ заключать, что съ тѣхъ поръ бумага вздорожала въ $30^1/_2$ раза: этого не могло случиться, потому что въ XVI в. бумагу привозили въ Московію голландцы, съ большими издержками и рискомъ совершая поѣздки къ восточнымъ балтійскимъ и даже бѣломорскимъ берегамъ, а теперь товаръ этотъ въ огромномъ количествѣ выдѣлывается въ Россіи. Дѣйствительный экономическій смыслъ этимъ отношеніямъ сообщаютъ цѣны хлѣба. Если стопа бумаги, которая стоитъ теперь 13 рублей, въ концѣ XVI в. продавалась по 40 копѣекъ, а на копѣйку тогда можно было купить хлѣба въ 74 раза больше, чѣмъ теперь,—значитъ, бумага теперь стала въ 2, 2 раза дешевле, чѣмъ была въ то время. Эти отношенія мы намѣренно составили изъ низшихъ цѣнъ XVI в. и высшихъ нынѣшнихъ, чтобы получить наибольшихъ знаменателей, какихъ получить можно: разумѣется, дѣля 74 на этихъ знаменателей, мы получимъ наименьшія частныя, показывающія, во сколько разъ подешевѣлъ тотъ или другой привозный товаръ съ конца XVI в. Такъ узнаемъ, что сахаръ сталъ дешевле не менѣе какъ въ 30 разъ, гвоздика не менѣе 49 разъ. Если по отмѣченнымъ въ таблицѣ предметамъ можно судить о тогдашней стоимости вообще всѣхъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ сравнительно съ ихъ нынѣшними цѣнами, то окажется, что эти товары, большею частью предметы роскоши, съ тѣхъ поръ *подешевѣли въ* $5^1/_2$ *разъ*.

Книги мы брали только такія цѣны, которыя ниже цѣнъ Барберини или которыхъ нѣтъ у послѣдняго. При сравненіи мы пользовались думскими вѣдомостями справочныхъ московскихъ цѣнъ 1882 г. Разумѣется, древнерусскій пудъ мы переводили на нынѣшній, уменьшая его цѣны въ $1^1/_6$ раза, такъ какъ онъ былъ въ $1^1/_6$ раза больше нынѣшняго, т.-е. относился къ послѣднему, какъ 7 къ 6.

Туземные предметы по своей сравнительной стоимости гораздо ближе подходили къ хлѣбу, какъ это видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы московскихъ цѣнъ 1882 г. и цѣнъ второй половины XVI в., заимствованныхъ изъ записки Барберини 1565 г., изъ статейнаго списка посольства Флетчера 1588-9 г. и частію изъ Торговой Книги [1].

Курица.....	65 :	$1\frac{1}{2}$ к. = 43.
Утка живая.....	80 :	3 = 27.
Масло коровье (фунтъ)..	35 :	$\frac{3}{7}$ = 82.
Солонина ф.....	13 :	$\frac{5}{8}$ = 21.
Яицъ сотня.....	250 :	5 = 50.
Кочней капусты сотня...	500 :	12 = 42.
Огурцовъ сотня.....	14 :	$\frac{4}{5}$ = 17.
Масло сѣменное (пудъ).	650 :	20 = 32.
Воскъ п.....	2900 :	103 = 28.
Медъ п.....	2000 :	41 = 49.
Ленъ п.....	1000 :	70 = 14.
Сало говяжье п.....	640 :	$24\frac{1}{2}$ = 28.
Овчина.....	250 :	6 = 42.

Средній знаменатель 37. Итакъ *домашняя птица, мясо, продукты пчеловодства и огородничества, какъ и другіе туземные предметы продовольствія и домашняго хозяйства кромѣ хлѣба съ конца XVI в. подешевѣли ровно вдвое*, если о сравнительной цѣнности всего этого можно судить по указаннымъ въ таблицѣ статьямъ.

Еще ближе къ хлѣбнымъ цѣнамъ сравнительная стоимость скота въ XVI в. Впрочемъ для изученія этой статьи хозяйства мы имѣемъ очень скудныя данныя, извлеченныя изъ приходо-расходной книги Ко-

[1] Для Флетчера со свитой, возвращавшихся изъ Москвы сѣвернымъ путемъ на Вологду и Холмогоры, приставу велѣно было въ дорогѣ покупать припасы «по тамошней цѣнѣ, по прямой по указной цѣнѣ»; въ статейномъ спискѣ помѣщена и роспись этихъ цѣнъ. По сравненію съ цѣнами Барберини и приходо-расходной книги Корниліева монастыря видно, что эти указныя дорожныя цѣны были значительно выше вологодскихъ цѣнъ 1578 г. и близки къ московскимъ. Времен. Общ. Ист. и Др. Р. кн. VIII. Цѣны огурцовъ и капусты также не московскія, а вологодскія, заимствованы изъ приходо-расходной книги Корниліева монастыря.

мельскаго монастыря и Уставной книги Разбойнаго приказа [1]. Найденныя здѣсь цифры мы сопоставляемъ со средними цѣнами на скотъ въ изданіи департамента земледѣлія и сельской промышленности 1882 г., гдѣ показаны особо цѣны скота осенью и весной. Въ приходо-расходной книгѣ помѣчено, въ какомъ мѣсяцѣ и по какой цѣнѣ продана лошадь или корова. Мы сопоставляемъ весеннія цѣны департамента съ весенними и лѣтними цѣнами приходо-расходной книги, а осеннія цѣны перваго съ осенними и зимними цѣнами второй. При этомъ надобно замѣтить, что въ изданіи департамента выведены среднія цѣны только рабочихъ лошадей, а въ приходо-расходной книгѣ обозначены цѣны и рабочихъ, и болѣе дорогихъ выѣздныхъ: слѣдовательно среднія цѣны лошадей, выведенныя по этой книгѣ, выше среднихъ въ изданіи департамента, а потому и средній знаменатель отношенія, выведенный изъ сравненія тѣхъ и другихъ, выйдетъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительнаго. Такса Разбойнаго приказа выше цѣнъ приходо-расходной книги и повидимому соображена съ курсомъ болѣе дорогихъ рынковъ: мы сопоставляемъ ее со средними годовыми цѣнами скота по Московской губерніи въ 1882 г. Получаемъ такой рядъ отношеній, въ которыхъ предыдущими членами служатъ цѣны 1882 г. (въ копѣйкахъ), а послѣдующими цѣны XVI в.

Вологда.	Лошадь весной и лѣтомъ	5000 :	88	= 57.
	осенью и зимой	4000 :	60	= 67.
	Корова весной	3200 :	67	= 48.
Москва.	Лошадь осенью	4500 :	138	= 33.
Указныя цѣны.	Лошадь рабочая	5250 :	150	= 35.
	Корова	4500 :	100	= 45.
	Быкъ	4500 :	100	= 45.
	Овца	400 :	10	= 40.

Средній знаменатель 46, т. е. *скотъ подешевѣлъ съ конца XVI в. только въ 1,6 раза.*

---

[1] Акты Ист. III, стр. 300: здѣсь помѣщена установленная указомъ царя Ѳедора Ивановича такса, по которой удовлетворялись иски о награбленныхъ разбойниками животахъ. Извѣстіе Курбскаго, что въ лагерѣ подъ Казанью по взятіи Арскаго города коровъ продавали по 10 ден., а большихъ воловъ по 10 аспръ (бѣлокъ), т. е. по 20 денегъ, разумѣется, не можетъ быть принято въ разсчетъ, какъ исключительный случай. Сказ. кн. *Курбскаго*, изд. 2, стр. 27.

Наконецъ, всего любопытнѣе было бы опредѣлить сравнительную стоимость труда. Но удовлетворительному рѣшенію этого вопроса кромѣ скудости данныхъ мѣшаетъ еще трудность найти соизмѣримыя величины, т. е. такія древнія и нынѣшнія цѣны, которыя означали бы стоимость одинаковаго труда и при одинаковыхъ условіяхъ. Въ изданіи департамента приведены поденныя цѣны на трудъ сельскихъ рабочихъ во время производства яроваго посѣва, сѣнокоса и уборки хлѣбовъ. Данныхъ о стоимости такого труда мы не находимъ въ памятникахъ XVI в. Но въ приходо-расходной книгѣ Корниліева монастыря есть довольно много указаній на то, что платилъ монастырь разнымъ наемнымъ мастеровымъ и чернорабочимъ. Всѣ эти цѣны годовыя, а не поденныя. Всѣ рабочіе служили монастырю на его харчахъ; притомъ одни работали въ своей «одежѣ и обуткѣ», другіе получали то и другое отъ монастыря; сообразно съ этимъ измѣнялась и наемная плата деньгами. При такихъ разнообразныхъ условіяхъ сравненіе древнихъ и нынѣшнихъ цѣнъ на трудъ становится очень рискованнымъ. Чтобы получить возможно безопасный выводъ, сдѣлаемъ такой разсчетъ. Цѣны на сельскій трудъ въ 1882 г. вообще были умѣренныя. Мастеровой трудъ цѣнится выше работы простаго поденщика; но сельскій рабочій весной и лѣтомъ далеко не самый дешевый поденщикъ. Погодная наемная плата, разумѣется, относительно ниже поденной: положимъ, что она вдвое ниже послѣдней, то-есть считая въ году 300 рабочихъ дней, положимъ, что сельскій поденщикъ въ 150 дней весенней и лѣтней рабочей поры выработаетъ столько же, сколько получилъ бы онъ, нанявшись на цѣлый годъ. Поэтому средній по Вологодской губерніи заработокъ сельскаго пѣшаго рабочаго за 150 дней на хозяйскихъ харчахъ мы сопоставимъ съ годовой платой тѣхъ мастеровъ и рабочихъ Корниліева монастыря въ 1576—1577 г., о которыхъ въ приходо-расходной книгѣ прямо замѣчено, что они получали плату не только «за рубахи и рукавицы и ногавицы и за всю обутку», но и «за шубу и за сермягу, за все платье», то-есть работали во всей своей одеждѣ, тогда какъ другіе, имѣя свои рубахи и обутку, получали шубу и сермягу отъ монастыря и за то пользовались меньшей денежной платой. Такимъ образомъ мы по возможности уравновѣсимъ различныя условія древняго и нынѣшняго найма и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизимъ цифры старинныхъ цѣнъ на трудъ къ цифрамъ нынѣшнихъ, иначе говоря, уменьшивъ разстояніе между этими цифрами, получимъ такія отношенія между тѣми и другими цѣнами, знаменателей которыхъ трудно будетъ заподозрить въ преувеличеніи, что намъ и нужно всего болѣе.

Пѣшій рабочій въ Вологодской губерніи получалъ въ 1882 г. среднимъ числомъ по 45 коп. за день работы въ страдную пору на хозяйскихъ харчахъ, что составитъ 67 р. 50 коп. за 150 рабочихъ дней. Комельскій монастырь платилъ сапожному мастеру при его платьѣ 90 коп. въ годъ, плотнику 110 к.; слѣдовательно въ 1576—7 г. первый получалъ въ 75, а второй въ 61 разъ меньше сельскаго рабочаго 1882 г. Швецу монастырь платилъ 105 к. въ годъ, а другому мастеровому, ремесло котораго не обозначено, даже только 45 коп.; слѣдовательно первый получалъ въ 64, а второй въ 150 разъ меньше нынѣшняго сельскаго поденщика. Чернорабочіе получали почти столько же, сколько мастера, потому что обязаны были «всякое дѣло дѣлати черное по вся дни», иногда даже по воскресеньямъ. Средняя плата имъ при своемъ платьѣ была 110 коп., въ 61 разъ меньше заработка нынѣшняго сельскаго работника. Но Герберштейнъ говоритъ, что въ городѣ Москвѣ обычная плата за работу простому поденщику была $1^1/_2$ деньги, въ 94 раза меньше, чѣмъ сколько получалъ чернорабочій поденщикъ въ Москвѣ въ 1882 г. (60—80 коп.). Такія цифры заставляютъ думать, что *трудъ теперь нисколько не дешевле, чѣмъ онъ былъ въ XVI вѣкѣ, напротивъ сталъ повидимому даже нѣсколько дороже.*

Нельзя не замѣтить нѣкоторой послѣдовательности въ выведенномъ при помощи хлѣбныхъ цѣнъ отношеніи древней стоимости разныхъ предметовъ потребленія къ нынѣшней. Предметы привозные, удовлетворявшіе преимущественно потребностямъ роскоши, теперь подешевѣли больше, чѣмъ предметы туземнаго производства, а изъ этихъ послѣднихъ скотъ подешевѣлъ меньше другихъ предметовъ; наконецъ трудъ не подешевѣлъ вовсе, можетъ быть, даже вздорожалъ. Когда мы утверждаемъ, что даже предметы туземные кромѣ хлѣба теперь стали дешевле, чѣмъ были въ XVI в., это значитъ, что они подешевѣли сравнительно съ хлѣбомъ, т.-е. хлѣбъ вздорожалъ больше остальныхъ предметовъ хозяйства, или, говоря точнѣе, *въ общемъ подъемѣ цѣнъ съ XVI в. до нашего времени стоимость хлѣба поднялась гораздо выше, чѣмъ стоимость другихъ предметовъ потребленія,* такъ что рыночное отношеніе перваго къ послѣднимъ теперь далеко не то, какое существовало триста лѣтъ назадъ. Эту именно перемѣну и хотѣли мы обозначить, когда, соображая общія условія сельскаго хозяйства въ древней и современной Россіи, сказали, что въ суммѣ хозяйственныхъ потребностей хлѣбъ для насъ составляетъ болѣе цѣнную статью, чѣмъ какою былъ онъ для древнерусскаго чело-

вѣка: выводъ, основанный на этихъ общихъ условіяхъ, вполнѣ подтверждается результатами, къ какимъ привело изученіе исторіи цѣнъ.

При болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи цѣнъ XVI в. можно безъ сомнѣнія точнѣе опредѣлить, насколько измѣнилась сравнительно съ цѣнами хлѣба стоимость другихъ предметовъ потребленія. Мы коснулись этого мимоходомъ только для того, чтобы нагляднѣе показать, что цѣны этихъ предметовъ не могутъ служить повѣркой выведеннаго по хлѣбнымъ цѣнамъ отношенія древняго рубля къ нынѣшнему: напротивъ, хозяйственное значеніе цѣнъ самихъ этихъ предметовъ за извѣстное время становится понятно только при условіи, если напередъ опредѣлено по хлѣбнымъ цѣнамъ отношеніе тогдашняго рубля къ нынѣшнему. Повѣрка выводовъ должна быть основана на разборѣ возможныхъ ошибокъ въ способѣ, какимъ они получены. Главное побужденіе, заставляющее сомнѣваться въ точности этихъ выводовъ, заключается въ томъ, что мы недостаточно знаемъ свойство хлѣбныхъ цѣнъ XVI в., на которыхъ они основаны. Изъ хронографа узнаемъ, что до 1601 г. въ Московской землѣ покупали четверть ржи по $4^1/_2$ и по 5 денегъ, а въ дороговизну по $7^1/_2$ д. Но что значатъ эти низкія цѣны? Изложенные выше выводы построены на томъ предположеніи, что такія цѣны равномѣрно чередовались на центральныхъ рынкахъ съ болѣе высокими, т.-е. что въ каждое двухлѣтіе круглымъ счетомъ одинъ годъ господствовали низкія цѣны, а другой высокія. Но этому извѣстію можно придавать и другое значеніе: по поводу страшнаго вздорожанія хлѣба хронографъ для усиленія контраста могъ припомнить самыя дешевыя цѣны, какія бывали иногда, хотя и не часто. Недаромъ цѣны, находимыя во всѣхъ другихъ извѣстіяхъ второй половины XVI в., не такія общія, а пріуроченныя къ извѣстной мѣстности, выше цѣнъ хронографа вчетверо, впятеро и больше. Другіе памятники, къ которымъ мы обращаемся для повѣрки своихъ выводовъ, внушаютъ даже мысль, что чѣмъ болѣе наберемъ мы въ уцѣлѣвшихъ источникахъ XVI в. извѣстій о мѣстныхъ цѣнахъ хлѣба, тѣмъ болѣе увеличимъ только списокъ дорогихъ, а не дешевыхъ цѣнъ. Съ этой стороны заслуживаютъ вниманія два памятника, расходная книга Болдина Дорогобужскаго монастыря и вкладная книга Кандалашскаго монастыря Кемскаго уѣзда Архангельской губ.[1] Въ 1586 г. Болдинъ монастырь заплатилъ своимъ кресть-

[1] Истор. Библіотека, изд. Археогр. Ком., т. 2, стр. 311. Вкладная Кандалашскаго монастыря, любопытная во многихъ отношеніяхъ рукопись, принадле-

янамъ по 36 денегъ за четверть ржи: это очень дорогая цѣна, въ 7 разъ дороже дешевой цѣны хронографа. Во вкладной книгѣ Кандалашскаго монастыря находимъ рядъ хлѣбныхъ цѣнъ за 1584—1600 г. Нѣкоторыми изъ нихъ нельзя воспользоваться: въ книгѣ, напримѣръ, записано 8 бочекъ съ 1 мѣрой ржи и ячменя цѣной въ 5 рублей, но не обозначено, сколько ржи и сколько ячменя. Чтобы воспользоваться другими цѣнами, надобно предварительно объяснить своеобразную метрику поморскаго сѣвера, которой держится книга. Она считаетъ новгородками и деньгами, разумѣя подъ послѣдними московки, но рубль принимаетъ только московскій въ 100 новгородокъ или 200 московокъ. Хлѣбъ измѣряется въ ней *мѣрами и бочками*. Въ 1655 г. положены были въ монастырь двѣ мѣры съ четверикомъ ржи за $22^1/_2$ алтына: очевидно, мѣра оцѣнена была въ 10 алтынъ, а четверикъ въ $2^1/_2$, т.-е. въ мѣрѣ считалось 4 четверика; слѣдовательно мѣра была половина сѣверной, т.-е. новгородской четверти. Въ 1594 г. положены были въ монастырь 4 бочки ржи за 3 р. 12 алт., по 7 алтынъ мѣра, т.-е. въ бочкѣ считалось 4 мѣры: это малая бочка, равнявшаяся новгородской коробьѣ. По цѣнѣ монастырскихъ вкладовъ мѣра ржи стоила въ 1584 г. 30 денегъ, въ 1585 г. 30 д., въ 1593 г. 50 и 150 д., въ 1594 г. 42 и 50 д., въ 1599 г. 40 д., въ 1600 г. 26 д. Переложивъ сѣверныя мѣры на тогдашнія московскія четверти, считая 6 московскихъ четвериковъ въ мѣрѣ, найдемъ, что московская четверть ржи по оцѣнкѣ Кандалашскаго монастыря стоила въ 1584 г. 40 д., въ 1585 г. 40 д., въ 1593 г. $66^2/_3$ и 200 д., въ 1594 г. 56 и $66^2/_3$ д., въ 1599 г. $53^1/_3$ д., въ 1600 г. $34^2/_3$ д. Если даже откинемъ непомѣрно высокую, близкую къ голодной цѣну 200 д., то получимъ изъ остальныхъ среднюю 51 д. за московскую четверть. Сопоставивъ эту среднюю и смоленскую цѣну 1586 г. со средними по Архангельской и Смоленской губерніи 1882 г. (1150 и 790 к.), получимъ отношенія, знаменатели которыхъ даже немного ниже того, какой выведенъ выше по дорогимъ цѣнамъ второй половины XVI в. (именно получимъ 23 и 22). Правда, цѣны обѣихъ монастырскихъ книгъ нельзя считать нормальными. Объ кни-

---

житъ Е. В. Барсову. Запись вкладовъ здѣсь начинается съ 1563 г. и прерывается на 1687 г. Вклады дѣлались деньгами, церковной утварью, платьемъ, хлѣбомъ, рыбой, рыболовными судами и снастями, домашней рухлядью, скотомъ, работой на монастырь и проч.; въ числѣ вкладовъ является даже охотничья собака, оцѣненная въ полтину, что равнялось половинѣ обычной цѣны коровы.

ги принадлежатъ двумъ далеко не самымъ хлѣбороднымъ окраинамъ тогдашняго Московскаго государства. Цѣны, по которымъ Болдинъ монастырь покупалъ въ 1585—6 г. не только хлѣбъ, но и другіе товары какъ въ Москвѣ, такъ и на мѣстѣ, значительно выше обычныхъ московскихъ цѣнъ того времени: значитъ, болдинская книга отмѣтила цѣны и дорогаго края, и дорогаго времени. О бѣломорскомъ побережьи нечего и говорить: тамъ, на окраинѣ земледѣльческой полосы, всегда господствовала сравнительная дороговизна. Вообще подозрѣніе, что выведенное выше отношеніе рубля второй половины XVI в. къ нынѣшнему, какъ 74 къ 1, преувеличено, значительно ослабляется географіей дорогихъ хлѣбныхъ цѣнъ XVI в. Если мѣстныя цѣны, дошедшія отъ этого вѣка, какъ нарочно почти всѣ много выше дешевыхъ общихъ, отмѣченныхъ Герберштейномъ, Флетчеромъ и хронографомъ, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что эти мѣстныя цѣны какъ нарочно идутъ изъ такихъ малохлѣбныхъ или окрайныхъ областей, какъ Смоленская, Псковская, Новгородская, Бѣлозерская, Вологодская, Архангельская, и не дошло ни одного достаточно полнаго и яснаго извѣстія изъ мѣстностей болѣе центральныхъ или хлѣбныхъ, тянувшихъ къ Твери, Владиміру, Нижнему, Рязани, Тулѣ, а дешевыя цѣны у иностранцевъ и въ хронографѣ прежде всего и могли быть взяты съ этихъ центральныхъ и обильныхъ хлѣбомъ рынковъ. Не смотря на все это, для провѣрки своихъ выводовъ предположимъ въ этихъ цѣнахъ не обычный, нормальный уровень, а только счастливыя явленія, такіе же отдѣльные, одиночные случаи, какими были дорогія цѣны, и въ такомъ значеніи поставимъ ихъ въ одинъ рядъ съ послѣдними; при этомъ мы будемъ выводить среднія изъ дорогихъ и дешевыхъ, когда тѣ и другія относятся къ одной и той же мѣстности, а изъ такихъ же параллельныхъ дорогихъ будемъ брать низшія, которыя можно принять за среднія между дешевыми и самыми дорогими [1]. Изъ этихъ умѣренно-дорогихъ мѣстныхъ цѣнъ и изъ среднихъ общихъ составимъ отношенія, сопоставляя первыя съ мѣстными средними цѣнами 1882 г., а вторыя съ общими средними, выведенными изъ мѣстныхъ по центральнымъ губерніямъ Великороссіи, какъ уже дѣлали выше. Средніе знаменатели этихъ отношеній, составлен-

[1] Дешевая цѣна ржи въ Московскомъ краю у Герберштейна 3 деньги четверть, дорогая 20 и 30: возьмемъ среднюю 14. Для Московіи вообще дешевыя цѣны у него 4, 5 и 6 ден.: беремъ среднюю 5. Для Московіи второй половины вѣка въ хронографѣ дешевыя цѣны $4^1/_2$ и 5 д. четверть, дорогая $7^1/_2$: средняя 6.

ныхъ съ очевидной натяжкой данныхъ въ сторону ихъ пониженія, выйдутъ, разумѣется, ниже выведенныхъ нами за обѣ половины вѣка цифръ 83 и 74: ихъ можно будетъ принять за крайніе низшіе предѣлы отношенія рубля первой и второй половины XVI вѣка къ нынѣшнему. Цѣны первой половины явятся въ такихъ отношеніяхъ:

Великороссія.....	Рожь	785:	5	= 157.
Москва.....	Рожь	840:	14	= 60.
Новгородъ.....	Рожь	900:	$13^1/_3$	= 67.
	Ячмень	635:	$4^2/_3$	= 136.
Бѣлоозеро	Рожь	900:	14	= 64.
Псковъ.....	Рожь	725:	$33^1/_3$	= 22.
	Овесъ	380:	$13^1/_3$	= 28.
Шунга.....	Рожь	1350:	$26^2/_3$	= 51.

Средній знаменатель 73.

Легко замѣтить, что это пониженіе знаменателя произошло отъ псковскихъ цѣнъ, которыя очевидно много выше умѣренно-дорогихъ: если бы ихъ не было, средній знаменатель вышелъ бы не только не ниже, но даже выше 83, именно 89.

Выше мы замѣтили, что 20 и 21 деньга за московскую четверть были хотя не дешевой, но довольно умѣренной цѣной ржи для Вологодскаго и Псковскаго края во второй половинѣ XVI вѣка; такими же цѣнами можно признать 30—35 ден. для Бѣломорья; для Москвы мы принимаемъ по показанію Маржерета 22 д. Соображая съ этими умѣренно-дорогими мѣстными цѣнами ржи выборъ цѣнъ другихъ хлѣбовъ, составимъ такой рядъ отношеній за вторую половину XVI вѣка:

Великороссія...	Рожь	785:	6	= 131.
	Пшен.	1057:	12	= 88.
Москва.....	Рожь	840:	22	= 38.
Переяславль ...	Овесъ	330:	6	= 55.
Псковъ.....	Рожь	725:	21	= 35.
Вологда.....	Рожь	900:	20	= 45.
	Пшен.	1240:	24	= 52.
Архангельскъ.	Рожь и овесъ	1750:	49	= 36.

Средній знаменатель 60.

Псковская цѣна опять оказалась сравнительно выше другихъ: безъ нея средній знаменатель поднялся бы до 64. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что псковскія цѣны взяты изъ лѣтописи, которая обыкновенно отмѣчала только особенно высокія цѣны, поднимавшіяся выше умѣренно-дорогихъ. Итакъ первая повѣрка приводитъ къ тому, что знаменатель 83, выведенный для рубля первой половины XVI в., повидимому нисколько не преувеличенъ, а знаменатель рубля второй половины 74 можетъ быть пониженъ до 64 или до 60.

Возможенъ и другой способъ повѣрки. Опредѣляя отношеніе дешевыхъ и высшихъ дорогихъ цѣнъ XVI в. къ нынѣшнимъ, мы сопоставляли тѣ и другія со средними цѣнами 1882 г. Но, можетъ быть, это неправильно: можетъ быть, лучше было бы сопоставлять древнія дешевыя и дорогія цѣны раздѣльно съ дешевыми и дорогими новѣйшими, составляющими низшіе и высшіе предѣлы колебаній, изъ которыхъ выведены среднія въ изданіи департамента. Правда, и здѣсь мы сдѣлаемъ явную натяжку съ намѣреніемъ понизить знаменателя отношенія древняго рубля къ нынѣшнему. Колебанія цѣнъ въ предѣлахъ одного урожайнаго года, происходящія отъ качества хлѣба, отъ условій мѣста и времени года, далеко не тоже, что колебанія на протяженіи многихъ лѣтъ, зависящія отъ измѣнчивости урожая: послѣднія, разумѣется, несравненно сильнѣе первыхъ; самая дорогая изъ цѣнъ урожайнаго года еще не составляетъ дороговизны. Значитъ, сопоставляя наиболѣе дорогія цѣны XVI в. съ высшими 1882 г., мы собственно будемъ сравнивать высшія изъ дорогихъ древнихъ цѣнъ съ высшими изъ дешевыхъ новѣйшихъ: полученные знаменатели отношеній выйдутъ много ниже тѣхъ, какіе получились бы при сравненіи соизмѣримыхъ цѣнъ. Для ослабленія этой натяжки мы только выбросимъ изъ числа дорогихъ цѣнъ тѣ, которыя названы въ источникахъ голодными или приближались къ нимъ. Помѣщенная выше (стр. 29) схематическая таблица дешевыхъ цѣнъ XVI в. преобразится въ слѣдующую, въ которой предыдущими членами отношеній будутъ среднія изъ низшихъ цѣнъ по центральнымъ губерніямъ Великороссіи 1882 г.

Рожь	613:	5	= 123.
Овесъ	225:	$2\frac{1}{2}$	= 90.
Ячмень	364:	4	= 91.
Пшен.	875:	12	= 73.

Средній знаменатель 94.

Сопоставивъ высшія изъ дорогихъ цѣнъ XVI в. съ высшими 1882 г., получимъ два такихъ ряда отношеній, изъ коихъ первый относится къ первой половинѣ XVI в., а второй ко второй половинѣ.

Псковъ....	Рожь	920: 40	= 23		920: 21	= 44.		
	Овесъ	450: 13⅓	= 34		450: 16	= 28.		
	Ячмень	750: 26⅔	= 28		750: 26⅔	= 28.		
	Пшен.	— —	—		1440: 44	= 33.		
Вологда....	Рожь	1050: 14	= 75		1050: 25	= 42.		
	Овесъ	— —	—		420: 13⅓	= 31.		
	Пшен.	— —	—		1500: 40	= 37.		
Новгородъ..	Рожь	1350: 13⅓	= 101		—	— —		
Бѣлоозеро .	Рожь	1350: 14	= 96		—	— —		
Шунга....	Рожь	2000: 26⅔	= 75		—	— --		
Арханг.	Рожь и овесъ	— —	—		2050: 49	= 42.		
Кандалакша.	Рожь	— —	—		1450: 51	= 28.		
Дорогобужъ:	Рожь	— —	—		900: 36	= 25.		
Москва....	Рожь	— —	—		1000: 22	= 45.		
	Средніе знаменатели		62.			35.		

Соединяя средняго знаменателя первой таблицы съ тѣмъ и другимъ среднимъ знаменателемъ второй, найдемъ, что рубль первой половины XVI в. относится къ нынѣшнему, какъ 78 къ 1, а рубль второй половины какъ 64 къ 1. Значитъ, вторая повѣрка еще болѣе первой сблизила крайніе низшіе предѣлы этого отношенія съ выведенными прежде цифрами 83 и 74. Объ изложенныя повѣрки позволяютъ свести изслѣдованіе о рублѣ XVI в. по хлѣбнымъ цѣнамъ къ тому окончательному заключенію, что *въ первую половину вѣка онъ равнялся 73—83 нынѣшнимъ, а во вторую 60—74 нынѣшнимъ.*

Одна черта хозяйственнаго быта древней Руси побуждаетъ къ возможному пониженію цифры, указывающей, во сколько разъ древній русскій рубль стоилъ дороже нынѣшняго. Предметъ потребленія, по своему значенію въ хозяйственномъ обиходѣ больше другихъ приближающійся къ хлѣбу, какъ одна изъ насущныхъ потребностей, соль была чрезвычайно дорога въ древней Руси, что зависѣло отъ условій ея добыванія въ тѣ вѣка и отъ тяжелой пошлины, на ней тяготѣвшей. По кормовой книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря [1] и по

[1] Записки отд. русск. и слав. арх. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 83 и 84.

приходо-расходной книгѣ Корниліева Комельскаго монастыря соль въ Бѣлозерскомъ краю въ 1570-хъ годахъ стоила 8 и 10 ден. пудъ, въ Вологодскомъ 18 и 20 ден., а изъ статейнаго списка посольства Флетчера узнаемъ, что въ 1580-хъ годахъ ее продавали въ Москвѣ по 20 и по 34 деньги, въ Казани по 18 ден. пудъ. Если изъ такихъ данныхъ позволительно выводить среднюю цѣну, то такою средней даже безъ слишкомъ высокой московской цѣны 34 д. выйдетъ 16 ден. или 8 коп. за тогдашній или почти 7 коп. за нынѣшній пудъ. Такъ какъ даже при крайнемъ низшемъ предѣлѣ отношенія рубля того времени къ нынѣшнему, какъ 60 къ 1, эти 7 коп. (безъ $^2/_7$) равняются 403 нынѣшнимъ, то при нынѣшней средней цѣнѣ соли 40 коп. за пудъ этотъ предметъ во второй половинѣ XVI в. былъ дороже нынѣшняго по крайней мѣрѣ въ 10 разъ.

V.

Для изученія хлѣбныхъ цѣнъ XVII в. мы располагаемъ болѣе обильнымъ запасомъ данныхъ и притомъ болѣе удобныхъ для изученія. Они даютъ возможность чаще пользоваться средними цѣнами, чѣмъ это можно было при изученіи данныхъ XVI в. Когда одно извѣстіе говоритъ о дорогой цѣнѣ ржи въ Поонежьѣ 1549 г., а другое отмѣчаетъ еще болѣе дорогую дорогобужскую цѣну 37 лѣтъ спустя, то выводить среднюю изъ такихъ данныхъ значило бы играть средними. Въ XVII в. по нѣкоторымъ мѣстностямъ можно собрать погодныя извѣстія о цѣнахъ за нѣсколько лѣтъ, прослѣдить ихъ колебанія и вывести изъ нихъ такія среднія, которыя даютъ болѣе точное понятіе объ уровнѣ цѣнъ, чѣмъ одиночныя, случайныя данныя, какія находимъ въ извѣстіяхъ XVI в.

Смутное время, начавшееся голодомъ 1601—3 гг., продолжавшееся самозванщиной и кончившееся великой «разрухой» государства, произвело крутой переломъ въ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ: въ это время онѣ стали на уровнѣ, до котораго рѣдко поднимались прежде, и потомъ остались на немъ надолго. Народонаселеніе центральныхъ областей страшно порѣдѣло отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ усобицъ, а еще больше, можетъ быть, отъ побѣговъ на болѣе безопасныя сѣверныя и восточныя окраины. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи бѣдствія Смутнаго времени только послужили новымъ толчкомъ, поддержавшимъ и усилившимъ от-

ливъ населенія изъ центра къ окраинамъ, начавшійся во второй половинѣ XVI в. Среди уцѣлѣвшаго сельскаго населенія замѣтно въ первое царствованіе новой династіи чрезвычайное развитіе бобыльства, маломочнаго безземельнаго или малоземельнаго крестьянства, которое, потерявъ земледѣльческій инвентарь вслѣдствіе разореній, принуждено было совсѣмъ бросить пашню или брать ничтожные участки. Все это уменьшило число и силу производителей, поставлявшихъ хлѣбъ на центральные рынки.

Подъемъ цѣнъ начался въ 1601 г., съ первыми признаками трехлѣтняго неурожая, и дошелъ въ Москвѣ съ 20 ден. до 3 рублей за четверть ржи. Но и по минованіи этого голода цѣна хлѣба при содѣйствіи политическихъ бѣдствій иногда поднималась до 7 и даже до 9 *тогдашнихъ* рублей за четверть ржи, какъ было при царѣ Василіи Шуйскомъ: это въ 360 разъ дороже дешевой цѣны, по которой продавали рожь до Смутнаго времени, по свидѣтельству хронографа. Такія бѣдственныя цѣны, разумѣется, не могутъ быть приняты въ разсчетъ при изученіи нормальныхъ цѣнъ. Но и тѣ цѣны Смутнаго времени 1601—1612 гг., которыя можно назвать нормальными, большею частію выше самыхъ высокихъ цѣнъ XVI в., намъ извѣстныхъ. Вообще онѣ держатся около 100 денегъ за московскую четверть ржи и часто поднимаются выше. Изъ одного акта узнаемъ, что въ 1601 г., при самомъ началѣ голоднаго трехлѣтія, прасолы въ Сольвычегодскѣ, скупивъ хлѣбъ, продавали рожь по 200 денегъ за четверть, овесъ по 120, ячмень по 160 ден. Московское правительство, чтобы помѣшать спекуляціи, установило указныя цѣны, предписавъ продавать рожь по 100 ден. четверть, овесъ по 50, ячмень по 80 денегъ, т. е. понизило цѣны вдвое: эту пониженную таксу и можно считать нормальнымъ уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ на сѣверѣ тогдашней Великороссіи. Дешевыя цѣны, какія бывали тамъ въ Смутное время, узнаемъ изъ акта продажи съ публичнаго торга имущества, оставшагося послѣ убитаго въ Новгородѣ народомъ за измѣну М. Татищева въ 1608 г. Приказные, руководившіе аукціономъ, разумѣется, цѣнили вещи невысоко и продавали нѣкоторыя изъ нихъ съ наддачей. Рожь они оцѣнили по 60 ден. за четверть «въ таможенную мѣру», т. е. по 40 д. за московскую четверть, овесъ по 30 ден. за новгородскую или по 20 ден. за московскую четверть. Ту же цѣну ржи встрѣчаемъ въ кормовой книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, въ которой записано, что въ началѣ XVII в. въ монастырѣ на поминъ души была принята рожь по 40 ден за четверть. Эти извѣстія нѣсколько объясняются вкладной книгой Канда-

лашскаго монастыря, которой мы уже выше пользовались. Здѣсь отмѣчены цѣны ржи почти за каждый годъ съ 1604 по 1611: и здѣсь 1608 годъ самый дешевый, когда рожь стоила тѣже 40 ден. за московскую четверть, какъ цѣнили ее приказные на новгородскомъ аукціонѣ [1]. При такой цѣнѣ на крайнемъ сѣверѣ хлѣбъ могъ продаваться и дешевле во многихъ центральныхъ мѣстахъ, хотя политическія смуты отзывались на нихъ больнѣе, чѣмъ на дальнемъ сѣверѣ. Съ другой стороны, псковская лѣтопись указываетъ и высшую изъ нормальныхъ, неголодныхъ цѣнъ Смутнаго времени: говоря, что въ 1612 г. рожь продавали во Псковѣ по 180 денегъ (псковскихъ) мѣстную четверть, т. е. по 240 московокъ за четверть казенную московскую, она считаетъ такую цѣну дороговизной.

Сопоставляя встрѣченныя въ извѣстіяхъ Смутнаго времени нормальныя цѣны 1601—1612 гг., низкія и высокія, со средними цѣнами 1882 г., получимъ такой рядъ отношеній [2].

Сольвычегодскъ 1601 г.	Рожь	900 : 100	= 9.
	Овесъ	355 : 50	= 7.
	Ячмень	700 : 80	= 9.
Холмогоры 1602 г.	Рожь	1150 : 120	= 10.
	Овесъ	600 : 52	= 12.
	Ячмень	960 : 78	= 12.
— — 1609 г.	Рожь	1150 : 48	= 24.
Кандалакша 1604—11 г.	Рожь	1150 : 69	= 17.

---

[1] Выписываемъ цѣны ржи изъ этой книги съ переводомъ сѣверныхъ *мѣръ* на московскія четверти:

1604 г.	106 и 75 ден.
1605	61.
1607	66.
1608	40.
1610	88.
1611	48.

Средняя цѣна ржи за эти годы 69 ден.

[2] Сборн. кн. *Хилкова*, № 62. *Крестинина*, Опытъ о сельск. домостроительствѣ, стр. 42—44. Акты, относ. до юр. быта др. Россіи, II, стр. 277. Ист. Библ. II, стр. 82. Времен. Общ. Ист. и Др. Росс. VIII, смѣсь, 20. Акты Юр. № 216, XII. II. Собр. Р. Лѣт. IV, 330. Корм. книга Кирил. монастыря въ Запискахъ отд. русск. и слав. археол. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 57.

Козельскъ 1603—4 г.	Рожь	800 : 100 = 8.
Арзамасъ 1603—4 г.	Рожь	760 : 190 = 4.
Новгородъ 1608 г.	Рожь	900 : 40 = 22.
	Овесъ	390 : 20 = 19.
	Пшеница	1200 : 100 = 12.
Вологда 1611 г.	Рожь	900 : 80 = 11.
	Овесъ	355 : 50 = 7.
Псковъ 1612 г.	Рожь	725 : 240 = 3.
		Средній знаменатель 12.

Итакъ *въ Смутное время рубль по цѣнамъ хлѣба равнялся 12 нынѣшнимъ*, т. е. хлѣбъ въ началѣ XVII в. сталъ въ *пять разъ* дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI в. Если эти выводы заслуживаютъ какого-нибудь довѣрія, то они довольно выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго Московской землей въ Смутное время.

Можетъ быть, отношеніе рубля Смутнаго времени къ нынѣшнему, какъ 12 къ 1, вышло нѣсколько ниже надлежащаго вслѣдствіе того, что въ случайныхъ извѣстіяхъ, изъ которыхъ оно выведено, преобладаютъ болѣе высокія цѣны хлѣба сравнительно съ тѣми, какія господствовали на рынкахъ того времени. Если хлѣбъ въ началѣ XVII в. вздорожалъ впятеро противъ прежняго, то не замѣтно столь же значительнаго возвышенія цѣнъ на другіе предметы: въ Дорогобужскомъ уѣздѣ въ 1603—4 г. медъ и другіе товары продавались немного дороже, чѣмъ 17 лѣтъ назадъ, скотъ не дороже, чѣмъ въ Вологодскомъ уѣздѣ 1577 г., и дешевле указной таксы Разбойнаго приказа, установленной при царѣ Ѳедорѣ [1]. Можно думать однако, что если знаменателя отношенія 12 и слѣдуетъ поднять, то немного, на единицу и едвали больше: по крайней мѣрѣ изъ полевыхъ растеній, не принятыхъ въ разсчетъ при его выведеніи, пенька въ Дорогобужскомъ краю 1603—4 г. стоила 20 и 26 денегъ, въ 20 разъ дешевле средней цѣны ея въ Смоленской губерніи 1882 г., а $1\frac{1}{2}$ пуда льну и $\frac{1}{2}$ п. конопли, данные Кандалашскому монастырю за 1 рубль 32 коп. въ 1607 г., по цѣнамъ Олонецкой губерніи 1882 г. стоили около 12 р., только

[1] Акты, отн. до юр. быта, II, 264. Ср. Торговую Книгу и выписки изъ таможенныхъ вѣдомостей у Карамзина X, прим. 426.

въ 10 разъ дороже, а цѣны льна и пеньки въ Архангельской губерніи (не обозначенныя въ изданіи департамента) ниже олонецкихъ, судя по цѣнамъ другихъ произведеній земледѣлія.

Извѣстія за время царствованія Михаила также даютъ возможность уловить высшія и низшія цѣны, въ предѣлахъ которыхъ совершались колебанія на хлѣбномъ рынкѣ. Пользуясь или вынуждаемая этими колебаніями, казна позволяла себѣ своего рода игру на курсѣ хлѣба, взимала хлѣбные налоги, напримѣръ *посопный хлѣбъ, стрѣлецкій хлѣбъ*, иногда натурой, а въ иныхъ случаяхъ деньгами, смотря по тому, какъ ей было прибыльнѣе, точно также производила и свои платежи служилымъ людямъ. Въ 1617 г. хлѣбъ въ Новгородѣ былъ очень дорогъ: рожь продавали по 266 ден. за московскую четверть (по 2 рубля за новгородскую), овесъ по 146 ден., ячмень по 200 д. Въ это же время въ заонежскихъ погостахъ Новгородскаго уѣзда цѣны на хлѣбъ стояли втрое ниже, именно рожь стоила 80 ден. четверть, овесъ 40 ден., ячмень 66 д. Казна нашла болѣе выгоднымъ произвести на тотъ годъ сборы съ Заонежья (нынѣ Олонецкой губ.) натурой и дала соотвѣтственное тому предписаніе новгородской администраціи [1]. Поэтому, когда казна замѣняла хлѣбные сборы денежными, отсюда довольно вѣрно можно заключать, что цѣны, по которымъ натуральные платежи казнѣ перекладывались на деньги, были довольно высоки, напротивъ цѣны, по которымъ она переводила свои хлѣбныя дачи служилымъ людямъ на деньги, можно считать довольно дешевыми. Если 80 д. за четверть ржи были умѣренной или дешевой цѣной для Заонежья въ 1617 г., такими же цѣнами для Москвы были въ 1620-хъ годахъ 50 д. за четверть ржи и 40 д. за четверть овса или 90 ден. за юфть хлѣба, какъ платила казна жалованье справщикамъ и мастерамъ московскаго Печатнаго двора (типографіи). По приходо-расходнымъ книгамъ этого двора [2] за 1620—1629 гг. видно, что это были цѣны очень умѣренныя, потому что самъ Печатный дворъ для переплета книгъ покупалъ тогда въ московскихъ лавкахъ ржаную муку отъ 96 до 256 ден. четверть, а пшеничную отъ 128 до 240 ден. Печатный дворъ покупалъ мелкими мѣрами, четвериками, переплачивая, разумѣется, лишнее противъ покупной цѣны цѣлой четверти; притомъ это была мука сѣяная высокихъ

---

[1] Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм., II, 346.

[2] Въ книгохранилищѣ московской синодальной типографіи, № № 1—7.

сортовъ. Поэтому можно думать, что средняя цѣна ржаной муки по приходо-расходнымъ книгамъ Печатнаго двора 157 ден. за четверть соотвѣтствовала средней цѣнѣ 112 ден., какую находимъ въ «Книгѣ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу» за 1631 г.[1] При такихъ московскихъ цѣнахъ можетъ показаться невѣроятно дешевой цѣна, по какой казна принимала деньги за посопный хлѣбъ съ Ровдогорской волости близь Холмогоръ въ 1626 году: въ этомъ малохлѣбномъ краю ей платили за казенную четверть ржи по 50 и по 54 ден. въ то время, когда въ Москвѣ она сама находила выгоднымъ платить взамѣнъ хлѣбнаго жалованья по 50 ден. за четверть ржи. Вкладная Кандалашскаго монастыря и здѣсь даетъ объяснительную справку. Въ ней отмѣчены вкладныя цѣны ржи съ 1613 по 1629 г. Цѣны эти съ 40 ден. за московскую четверть поднимались до 106 денегъ; средняя цѣна за эти годы 78 ден., на 9 ден. выше средней за Смутное время. Въ 1626 г. отмѣчена цѣна ржи по 106 ден. за четверть; но уже въ слѣдующемъ году даже въ томъ безхлѣбномъ краю она падала до 40 ден., заставляя предполагать какъ въ Москвѣ, такъ и въ Холмогорахъ цѣны еще ниже, оставшіяся неотмѣченными въ извѣстныхъ намъ источникахъ. Этими мѣстными колебаніями объясняется, какимъ образомъ казенная пріемная, т. е. довольно высокая цѣна хлѣба въ Холмогорскомъ округѣ 1626 г. могла стоять на одной высотѣ съ казенной отдаточной, т. е. довольно дешевой цѣной въ Москвѣ того же года. Соображая все это, надобно признать новгородскія цѣны 1617 г. исключительными, почти голодными, и вывести изъ разсчета. Другія соображенія заставляютъ считать такими же исключительными сибирскія цѣны хлѣба. Въ то время тамъ едва заводилось хлѣбопашество вокругъ немногихъ новопостроенныхъ русскихъ городовъ и большая часть хлѣба для продовольствія поселенцевъ доставлялась изъ Европейской Россіи. Въ 1622 г. четверть пшеницы цѣнилась въ Тюмени 264 деньги, а четверть ячменя 132 д., вдвое и втрое дороже стоимости этихъ хлѣбовъ въ Холмогорскомъ округѣ 1632—1634 г., а въ 1882 г. хлѣбныя цѣны по Тобольской губерніи были болѣе чѣмъ втрое ниже цѣнъ по Архангельской [2]. Согласно съ однимъ изъ высказанныхъ выше правилъ, принятыхъ въ руководство при настоящемъ изслѣдованіи, мѣстности со столь измѣнившимися хлѣбными

---

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос. IV, 58.

[2] Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм., VIII, 648. *Крестинина* указ. сочиненіе, стр. 42.

рынками не могутъ быть вводимы въ разсчетъ. Не смотря на эти исключенія, оцѣнка тогдашняго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ по свойству ея основаній навѣрное выйдетъ ниже надлежащей. Этими основаніями служатъ данныя центральнаго московскаго и сѣверныхъ рынковъ, а на этихъ рынкахъ господствовали дорогія цѣны; говоря точнѣе, хлѣбныя цѣны тогда стояли на нихъ гораздо выше сравнительно съ другими центральными и особенно юговосточными рынками, чѣмъ стоятъ теперь: напримѣръ, цѣны московскія или новгородскія въ XVII в. были вдвое или втрое дороже казанскихъ, а нынѣ только раза въ $1\frac{1}{2}$ и даже меньше; эта любопытная экономическая разница замѣтна въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ до половины XVIII в. Правда, за время царя Михаила извѣстны хлѣбныя цѣны еще двухъ центральныхъ рынковъ сверхъ московскаго, но и тѣ какъ нарочно казенныя пріемныя, т.-е. выше нормальныхъ. Въ 1624 г. позволено было съ тяглыхъ людей Каширскаго уѣзда взять за стрѣлецкій хлѣбъ, если они пожелаютъ, деньгами, по 140 ден. за четверть ржи и четверть овса (юфть): это въ $1\frac{1}{2}$ раза дороже того, что тогда сама казна платила въ Москвѣ за юфть хлѣба. Въ 1633 г. съ вотчины суздальскаго собора взято за тотъ же стрѣлецкій хлѣбъ 160 ден. за юфть [1]. Казна въ такихъ случаяхъ назначала высшія цѣны, какія можно было назначить; для возстановленія равновѣсія отношеній и мы въ правѣ сопоставить эти цѣны не со средними, а съ высшими же цѣнами 1882 г. На основаніи изложенныхъ замѣчаній изъ хлѣбныхъ цѣнъ Михаилова времени можно составить такой рядъ отношеній [2].

Москва 1620—31 г.	Рожь . . .	840:	50	=17
	Овесъ . . .	350:	40	= 9
	Мука ржаная	1200:	112	=11
	» пшеничная	2100:	150	=14
	Ржан. печен. хлѣб. фунтъ	3:	$\frac{1}{6}$	=18
Холмогоры 1626—36 г.	Рожь . .	1150:	80	=14
	Ячмень. .	960:	68	=14
Кандалакша 1613—29 г.	Рожь . .	1150:	78	=15
Заонежье 1617 г.	Рожь	1350:	80	=17
	Овесъ	635:	40	=16

[1] А. Ист. III, 207. А. Юр. 234, XVII. Здѣсь разумѣется торговая московская четверть.

[2] См. предыдущія примѣчанія.

Кашира	1624 г.	Рожь и овесъ	1200: 140=	9
Суздаль	1633 г.	» » »	1595: 160=	10

Средній знаменатель . . . 14

Кромѣ географіи цѣнъ еще одно обстоятельство можно считать вѣроятной причиной того, что этотъ знаменатель вышелъ ниже надлежащаго. Въ своихъ источникахъ мы не нашли хлѣбныхъ цѣнъ за послѣднія 9 лѣтъ царствованія Михаила (1638—1645), а онѣ въ это время, кажется, шли внизъ, такъ что, введя ихъ въ разсчетъ, мы получили бы средняго знаменателя нѣсколько выше 14. Значеніе обоихъ этихъ условій наглядно объяснится таблицей хлѣбныхъ цѣнъ за вторую половину XVII в.

Изученіе этихъ цѣнъ встрѣчаетъ одно метрическое затрудненіе. Въ это время вошла въ употребленіе новая хлѣбная мѣра вдвое больше прежней; но неизвѣстно точно, когда именно была она введена на рынкахъ, и притомъ рядомъ съ новой мѣрой по мѣстамъ употреблялась и старая, такъ что изслѣдователь часто можетъ недоумѣвать, къ которой изъ нихъ относится извѣстная хлѣбная цѣна. Можно только съ нѣкоторой вѣроятностью объяснить, почему такъ незамѣтно повидимому произошла на рынкѣ столь важная метрическая перемѣна. Новая четверть въ 8 тогдашнихъ пудовъ ржи не была совершенной новостью въ системѣ мѣръ сыпучихъ веществъ. Уже въ первой половинѣ вѣка существовали двѣ казенныя четверти: одна была торговая, которой и казна выдавала хлѣбное жалованье служилымъ людямъ и которая потому называлась *отдаточной*; но въ свои магазины казна принимала хлѣбъ, вѣроятно для упрощенія счета, четвертью вдвое большей, которая потому носила названіе *пріимочной* [1]. Эта двойная четверть постепенно и вошла въ употребленіе на рынкѣ. Выше мы привели извѣстія объ этой четверти. Въ хлѣбныхъ цѣнахъ второй половины XVII в. также можно найти нѣкоторыя указанія на время, когда произошла эта перемѣна: по нимъ можно догадываться, что новая четверть была принята на хлѣбномъ рынкѣ уже съ первыхъ лѣтъ второй половины вѣка, если не раньше. Рижскій купецъ де-Родесъ, отмѣчая въ своей запискѣ 1653 г. хлѣбныя цѣны, господствовавшія въ разныхъ областяхъ Московіи, говоритъ, что въ центральной Московской области четверть хлѣба (ржи) стоитъ 1 рубль.

[1] Истор. Библіотека, II, 347.

Это, очевидно, цѣна новой двойной четверти: если бы де-Родесъ разумѣлъ старую, мы имѣли бы въ его сообщеніи цѣну хлѣба, небывалую въ Москвѣ даже въ голодные годы второй половины вѣка, хотя Родесъ передаетъ обычныя, нормальныя цѣны; даже спустя слишкомъ сто лѣтъ новая двойная четверть ржи стоила въ Москвѣ только 130 коп., на 70 коп. дешевле цѣны Родеса. Можно догадываться, что уже въ 1651 г. новая мѣра была принята на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ. Въ извѣстной расходной книгѣ митроп. Никона записаны расходы его съ декабря 1651 по августъ 1652 г. во время поѣздки его изъ Новгорода въ Москву, пребыванія его въ столицѣ и путешествія въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа и обратно [1]. Въ этомъ любопытномъ памятникѣ находимъ такія московскія цѣны хлѣба, которыя могли относиться только къ новой двойной четверти: овесъ покупали по 30 коп. четверть, пшеницу по 128 коп., горохъ по 80, 96 и 120 коп. Желябужскій, перечисляя московскія цѣны хлѣба въ 1698 г., когда былъ «недородъ великъ», разумѣлъ новую двойную четверть; цѣна овса у него 45—48 коп., пшеницы 170 и 150 коп., гороха 150 и 120 коп. [2] Значитъ, еслибы расходная книга разумѣла старую малую четверть, оказалось бы, что въ урожайный 1652 годъ хлѣбъ въ Москвѣ стоилъ гораздо дороже, чѣмъ въ неурожайный 1698 г.

Повидимому всю вторую половину XVII в. можно принять за одинъ періодъ въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ, къ которому, можетъ быть, пришлось бы присоединить и два послѣднія десятилѣтія первой половины, еслибы извѣстны были въ достаточной степени хлѣбныя цѣны за это время. До начала реформъ Петра или, лучше сказать, до начала Сѣверной войны нормальный уровень хлѣбныхъ цѣнъ, кажется, оставался одинъ и тотъ же, хотя хлѣбный рынокъ по временамъ испытывалъ тяжелые кризисы. Въ 1660 г. свѣдущіе люди изъ тяглыхъ торговыхъ классовъ, призванные для совѣщанія съ боярами объ экономическомъ положеніи государства, въ числѣ причинъ наступившей дороговизны указывали на эпидемію 1654 г., заявивъ при этомъ, что до мороваго повѣтрія, опустошившаго села и деревни, хлѣбъ былъ недорогъ [3]. Начавшаяся въ томъ же году продолжитель-

---

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. кн. XIII, матеріалы.

[2] По изд. Сахарова стр. 59.

[3] П. С. Зак. I, № 286.

ная война также содѣйствовала поднятію хлѣбныхъ цѣнъ. Въ 1652 г. для Никона покупали ржаную муку въ Москвѣ по 54 и по 58 коп. четверть, а въ 1654 г. подрядчикамъ, которые бы взялись доставлять ржаную муку въ русскій лагерь, осаждавшій тогда Смоленскъ, указано было давать по 120, 135 и по 150 коп. за четверть [1]. Но всего болѣе подѣйствовали на курсъ цѣнъ вызванныя войной финансовыя операціи правительства, особенно съ мѣдными деньгами, выпущенными въ 1656 г. съ номинальной стоимостью серебряныхъ. Неудача этой кредитной операціи произвела на рынкѣ страшный безпорядокъ, который однакожь не составляетъ важнаго затрудненія при изученіи цѣнъ. Мѣдныя деньги нѣсколько лѣтъ ходили наравнѣ съ серебряными, а потомъ быстро стали падать въ цѣнѣ, такъ что разсчеты на мѣдныя деньги довольно легко отличить отъ разсчетовъ на серебро. Притомъ сохрани лисьдвѣ таблицы лажа на мѣдныя деньги, изъ коихъ одна представляетъ постепенное паденіе ихъ курса въ Москвѣ, а другая въ Новгородѣ. Съ помощью этихъ таблицъ можно для многихъ мѣстностей переложить *мѣдныя* цѣны на *серебряныя*. По цѣнѣ дровъ въ одномъ актѣ узнаемъ, что въ 1663 г. въ Старой Русѣ рубль серебряный равнялся 9 р. 75 коп. мѣдью [2]. По оффиціальной таблицѣ въ Новгородѣ съ 1 сентября 1662 г. по 15 іюля 1663 г. серебряный рубль равнялся 10 мѣднымъ. По этому извѣстію можно думать, что курсъ мѣдныхъ денегъ въ Новгородѣ и Старой Русѣ былъ приблизительно одинаковъ и потому старорусскія мѣдныя цѣны можно переводить на серебряныя по новгородской таблицѣ. Гораздо болѣе затрудняется изученіе цѣнъ тѣмъ страннымъ явленіемъ, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ цѣнъ при разсчетахъ на мѣдныя деньги вслѣдствіе упадка ихъ курса поднимались цѣны хлѣба и на серебро. Въ декабрѣ 1661 г., когда въ Москвѣ серебряный рубль стоилъ 4 мѣдныхъ, правительство, желая сдержать усиленіе дороговизны въ Смоленскѣ, нашло возможнымъ предписать, чтобы четверть ржи продавалась тамъ по 3 руб., а четверть овса по 1½ р., считая повидимому на мѣдныя деньги. По московскому курсу 3 рубля мѣдью равнялись 75 коп. серебр., а 1½ рубля 37½ копѣйкамъ: это не дешевыя, но сравнительно умѣренныя цѣны ржи и овса. Въ Вологдѣ въ сентябрѣ 1661 г. четверть ржи при незначительномъ еще лажѣ на мѣдныя деньги стоила 120 коп.; въ концѣ того же года и въ слѣдующемъ она продавалась

[1] Тамъ же, № 132.

[2] Истор. Библіотека, т. V, 717.

уже по 6, потомъ по 16 мѣдныхъ рублей, но въ то же время и на серебро стоила она 2 и потомъ даже 4 рубля: это непомѣрно высокая, почти голодная цѣна. То же явленіе замѣтно и въ предѣлахъ Новгородской земли. Въ 1659 г. лѣтомъ, когда въ Новгородѣ лажъ мѣдныхъ денегъ былъ не болѣе 5 коп. на рубль, Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь бралъ съ своихъ крестьянъ въ Старорусскомъ уѣздѣ за оброчный хлѣбъ по 4 рубля за четверть ржи и по 160 коп. за четверть овса: на серебро рожь стоила по новгородскому курсу 380 коп., а овесъ около 152 к. Въ началѣ 1661 г., когда въ Новгородѣ серебряный рубль стоилъ 140 коп. мѣдью, въ старорусскихъ селахъ того же монастыря четверть ржи стоила уже 8 руб. мѣдью, т.-е. около 570 коп. серебромъ, а овесъ 240 коп. мѣдью или около 170 коп. серебромъ; между тѣмъ въ 1657 г., когда мѣдныя деньги еще ходили въ одной цѣнѣ съ серебряными, Иверскій монастырь, только предчувствуя дороговизну, закупилъ въ Боровичахъ большую партію хлѣба, заплативъ за четверть ржи по 1 рублю, слишкомъ впятеро дешевле цѣны 1661 г., а за четверть овса по полтинѣ [1]. Котошихинъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ «въ государствѣ серебряными деньгами учала быть скудость, а на мѣдныя было все дорого». Изложенныя данныя показываютъ, что все становилось дорого не только на мѣдныя, но и на серебряныя деньги, т.-е. кризисъ финансовый усложнился еще экономическимъ, происходившимъ, можетъ быть, отъ неурожаевъ или отъ послѣдствій того же финансоваго кризиса. Если мы введемъ въ разсчетъ ненормальныя цѣны, которыми обнаружился этотъ двойной переломъ, мы дадимъ рѣшительный перевѣсъ дорогимъ цѣнамъ и получимъ тѣмъ болѣе неточный выводъ, что этотъ кризисъ былъ непродолжительной бурей, налетѣвшей на русскій рынокъ, напряженное дѣйствіе которой длилось года три, во многихъ мѣстахъ гораздо меньше. По крайней мѣрѣ не замѣтно продолжительнаго дѣйствія неудачной операціи на курсъ хлѣбныхъ цѣнъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изъятія мѣдныхъ денегъ изъ обращенія (въ 1663 г.) мы не только видимъ прежнія цѣны, державшіяся до кризиса, но даже встрѣчаемъ случай такой дешевизны, о какой не говоритъ ни одно извѣстіе первой половины вѣка: Матвѣевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1687 г. рожь продавали въ

---

[1] П. С. Зак. I, № 317. *Г. Брижнера*, Мѣдныя деньги въ Россіи etc., стр. 35—43. Ист. Библіотека, т. V, стр. 254 и 358: въ обоихъ актахъ разумѣется новая, т.-е. двойная новгородская четверть.

Москвѣ по 12 коп., а овесъ по 7 коп. четверть, т.-е. болѣе чѣмъ вчетверо дешевле цѣнъ 1652 г. по расходной книгѣ Никона [1]. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить сравнительную табличку цѣнъ по областямъ въ запискѣ Родеса 1653 г. съ цѣнами послѣ 1663 г. Торговый агентъ пишетъ, что въ центральной Московской области четверть хлѣба (ржи) стоитъ 1 рубль, въ Казанской, Нижегородской и близь лежащихъ отъ 12 до 25 коп., въ Ярославской, Ростовской и Вологодской отъ 36 до 50 коп. [2]. Взаимное отношеніе областныхъ цѣнъ, обозначенное цифрами Родеса, не оправдывается данными второй половины вѣка: не видно, напримѣръ, чтобы казанскія и нижегородскія цѣны были въ 4—8 разъ ниже московскихъ. Причина этого въ томъ, что у Родеса слишкомъ высока московская цѣна: можетъ быть, въ 1653 г. четверть ржи въ Москвѣ доходила до рубля; но обыкновенно она стоила значительно дешевле. За то въ Казанской землѣ въ самомъ концѣ вѣка встрѣчаемъ цѣны, соотвѣтствующія какъ низшему, такъ и высшему предѣлу стоимости ржи по таблицѣ Родеса: въ наказѣ казанскому воеводѣ 1697 г. юфть хлѣба оцѣнена была въ 20 коп., изъ которыхъ 12—15 коп. по обычному отношенію цѣны ржи къ цѣнѣ овса надобно отчислить на четверть ржи, а въ 1696 г. Троицкій Сергіевъ монастырь, постановивъ взыскать хлѣбный оброкъ съ свіяжскихъ вотчинъ деньгами, назначилъ за четверть ржи именно 25 коп. [3] Въ числѣ нижегородскихъ цѣнъ 1670—1680 хъ гг. также встрѣчаемъ 25 коп. за четверть ржи, хотя другія извѣстныя намъ цѣны значительно выше. По расходной книгѣ Никона цѣна ржи въ Вологдѣ за годъ до Родеса (40 коп.) соотвѣтствуетъ его показанію. Намъ неизвѣстны ярославскія и вологодскія цѣны послѣ 1663 года; но если и тогда, какъ теперь, тверскія цѣны занимаютъ середину между тѣми и другими, то показаніе Родеса оправдывается хозяйственной запиской кашинскаго землевладѣльца Еремѣева (1680—1690 гг.), который цѣнилъ рожь въ своемъ имѣніи по 40 коп. четверть [4]. Все это приводитъ къ тому заключенію, что средній уровень хлѣбныхъ цѣнъ во всю вторую половину XVII в. оставался одинаковъ и что возвышеніе цѣнъ, на которое жаловались въ Москвѣ послѣ мороваго повѣтрія 1654 г., было временнымъ затрудненіемъ, созданнымъ въ значительной степени искусственно, не столько народно-хозяйственными,

---

[1] Зап. *Матвѣева*, по изд. Сахарова, стр. 51.

[2] Магазинъ землевѣд. и путешествій, изд. *Фролова*, V, 239.

[3] П. С. Зак. III, № 1579. Рукоп. Тр.-Серг. Лавры № 577.

[4] Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс. кн. XX, смѣсь, 28.

сколько политическими причинами. Руководствуясь изложенными соображеніями, сопоставимъ среднія хлѣбныя цѣны 1882 г. со средними и одиночными цѣнами второй половины XVII в., выражая, какъ и выше, въ копѣйкахъ тогдашнюю и современную стоимость нынѣшней четверти хлѣба [1].

Москва 1651—1698 гг.	Рожь . .	840:	72=12
	Овесъ . .	350:	33=11
	Пшеница .	1500:	144=10
	Мука ржаная.	1200:	95=13
	» пшенич.	2100:	105=20
	Пшено . .	1400:	162= 9
	Крупа гречн.	1100:	119= 9
	Горохъ. . .	1200:	116=10
	Сѣмя конопл.	1000:	60=17
	Ленъ (пудъ) .	700:	60=12
	Пенька.....	375:	21=18

---

[1] Среднія цѣны московскія и нижегородскія выведены изъ такихъ данныхъ. Въ 1651—52 г. въ Москвѣ и подъ Москвой по расходной книгѣ Никона покупали четверть овса по 30 коп., пшеницы по 128 к., гороха по 80, 96 и 120 к., муки ржаной по 52, 54 и 58 к., пшеничной по 90, 105 и 120 к., крупы гречневой по 68 к., въ Вологдѣ рожь по 40, пшеницу по 100 и 80 к. У Родеса московская цѣна ржи 1 р. Подрядная цѣна ржаной муки по указу 1654 г., разсчитанная болѣе всего на цѣны московскаго рынка, 120, 135 и 150 к. четверть. У Гордона цѣны 1666 и слѣдующихъ годовъ: четверть ржи 50 и 54 к., овса 50 к. *Г. Брикнера*, Гордонъ, 116 и 181. У Кильбургера (стр. 71, 186 и 55) рожь въ 1674 г. 60 и 70 к. четверть, овесъ 32, пшено 160, крупа гречн. 120, пенька 20, 25 и 30 к. тогдашній пудъ, ленъ 70 к. пудъ (въ таблицѣ цѣны переложены на нынѣшній пудъ). Въ 1687 г. по Матвѣеву рожь въ Москвѣ 12 к. четверть, овесъ 7 к., а въ 1698 г. по Желябужскому рожь 130 к., овесъ 45 и 48, пшеница 170 и 150, пшено 150 и 180, горохъ 120 и 150, крупа гречн. 170, сѣмя конопл. 60 к. четверть. Въ арзамасскихъ селахъ Б. Морозова въ 1670—71 г. продавали рожь по 60, 54, 45, 40 и 31 к. четверть, овесъ по 30, 25, 24, 18 и 15 к., пшеницу по 50 к., ячмень по 17 коп. Времен. Общ. Ист. и Др. VI, смѣсь. На арзамасскихъ, нижегородскихъ и алатырскихъ казенныхъ будныхъ станахъ (поташныхъ заводахъ) въ 1681 г. покупали рожь по $31^1/_2$ и 25 к. четверть, овесъ по 12, 18 и 20 к. Книги смѣтныя будныхъ становъ, рукопись, принадлежащая автору.—Цѣны прочихъ мѣстностей въ таблицѣ одиночныя; см. о нихъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ; объ олонецкихъ въ Ист. Библ. VIII, 944, объ устьсысольскихъ въ Акт. до юр. быта II, 330. Вологодскія цѣны 1661—1663 гг. не введены въ разсчетъ, какъ ненормальныя.

Смоленскъ 1661 г.	Рожь	790:	75=11
	Овесъ.....	300:	37= 8
Новгородъ Вел. 1657 г.	Рожь	900:	66=14
	Овесъ.....	390:	33=12
Кандалакша 1650—65 г.	Рожь.....	1150:	75=15
Вологда 1652 г.....	Рожь.....	900:	40=22
	Пшеница....	1240:	90=14
Устьсысольскъ 1684 г.	Рожь.....	900:	60=15
Нижній 1670—81 г...	Рожь.....	760:	37=21
	Овесъ.....	270:	19=14
	Ячмень.....	450:	17=26
	Пшеница.....	960:	50=19
Олонецъ 1674—76 г.	Рожь.....	1350:	50=27
	Овесъ.....	635:	25=25
Кашинъ 1680—90-хъ гг.	Рожь.....	865:	40=22
	Овесъ.....	335:	25=13
	Ячмень.....	625:	30=21
	Пшеница....	1175:	60=20
Свіяжскъ 1596 г.....	Рожь.....	540:	25=22
	Овесъ.....	275:	15=18
	Ячмень.....	400:	20=20
	Пшеница....	800:	50=16
Казань 1697 г.....	Рожь и овесъ	815:	20=41

Средній знаменатель 17

Итакъ *рубль второй половины XVII в. равняется 17 нынѣшнимъ.*

Неровность частныхъ знаменателей въ таблицѣ объясняется разнохарактерностью введенныхъ въ нее хлѣбныхъ цѣнъ XVII в. Однѣ изъ этихъ цѣнъ среднія, другія одиночныя; притомъ нѣкоторыя изъ среднихъ выведены изъ сложности дорогихъ и дешевыхъ, другія только изъ дорогихъ; наконецъ и изъ одиночныхъ цѣнъ однѣ очень дорогія, другія очень дешевыя. Важнымъ условіемъ этой неровности является и географія цѣнъ XVII в. Легко замѣтить, что частные знаменатели возвышаются, хотя безъ строгой постепенности, по направленію съ сѣвера и сѣверо-запада къ югу и юго-востоку: знаменатели вологодскіе выше бѣломорскаго, кашинскіе выше вологодскихъ, нижегородскіе выше кашинскихъ, казанско-свіяжскіе выше нижегородскихъ,

московскіе выше смоленскихъ. Это объясняется прежде всего бо́льшимъ непостоянствомъ сѣверныхъ хлѣбныхъ рынковъ сравнительно съ южными: нормальныя цѣны тамъ чаще уступали мѣсто дорогимъ вслѣдствіе болѣе частыхъ неурожаевъ, и потому въ извѣстіяхъ, идущихъ съ тѣхъ рынковъ, мы встрѣчаемъ больше дорогихъ цѣнъ, чѣмъ нормальныхъ. Притомъ, какъ уже было замѣчено, сѣверныя цѣны хлѣба прежде превышали южныя гораздо больше, чѣмъ теперь. Эта географическая неполнота хлѣбныхъ цѣнъ за время царя Михаила и заставляетъ подозрѣвать, что выведенная изъ нихъ оцѣнка рыночной стоимости рубля того времени сравнительно съ нынѣшнимъ ниже надлежащей: если изъ предыдущей таблицы исключить цѣны кашинскія, нижегородскія и казанско-свіяжскія, которыхъ нѣтъ въ таблицѣ цѣнъ Михаилова времени, то средній знаменатель уменьшится до $14^1/_2$, т. е. выйдетъ немного больше знаменателя, выведеннаго изъ цѣнъ Михаилова времени.

Не смотря на возможную неточность выводовъ вслѣдствіе неполноты и случайности данныхъ, можно, кажется, съ нѣкоторой вѣроятностью такъ обозначить перемѣны въ рыночной стоимости рубля, совершившіяся впродолженіе XVII вѣка: сравнительно со второй половиной XVI в. въ Смутное время хлѣбъ вздорожалъ въ 5 разъ, въ царствованіе Михаила сталъ немного дешевле, именно былъ почти въ $4^1/_2$ раза дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI в., а во второй половинѣ XVII в. подешевѣлъ еще болѣе, такъ что сталъ только въ $3^1/_2$ раза дороже сравнительно со второй половиной XVI вѣка; иначе говоря, во столько же разъ подешевѣлъ рубль въ эти три періода XVII в. Такое значительное паденіе рыночной стоимости рубля въ XVII в. измѣнило прежнее отношеніе стоимости другихъ хозяйственныхъ предметовъ къ нынѣшнимъ ихъ цѣнамъ. Въ памятникахъ XVII в. можно собрать очень обильный матеріалъ для исторіи цѣнъ самыхъ разнообразныхъ статей хозяйства, несравненно болѣе обильный, чѣмъ для исторіи хлѣбныхъ цѣнъ; чтобы исчерпать его, понадобилось бы особое изслѣдованіе. Ограничимся немногими замѣчаніями. Другіе предметы хозяйства въ XVII в. вздорожали далеко не въ одинаковой степени съ хлѣбомъ. Такъ указомъ 1620 г. такса скота для Разбойнаго приказа возвышена была только вдвое противъ указныхъ цѣнъ, установленныхъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ [1]. У

[1] Акты Ист. III, стр. 301.

Кильбургера находимъ относящіяся къ 1674 году московскія цѣны домашней птицы, дичи, мяса, продуктовъ пчеловодства, огородничества и т. п. [1] Цѣны эти большею частью сходны съ тѣми, какія находимъ въ расходной книгѣ Никона и у Олеарія, Лизека, Штрауса и Корба. Не приводя здѣсь самой таблицы отношеній этихъ цѣнъ къ нынѣшнимъ, отмѣтимъ только ея итогъ: цѣны Кильбургера относятся къ нынѣшнимъ приблизительно какъ 1 къ 20. Выше мы видѣли, что по даннымъ второй половины XVI в. цѣны тѣхъ же предметовъ относятся къ нынѣшнимъ какъ 1 къ 37, т. е. почти вдвое ниже цѣнъ Кильбургера. Принимая рубль второй половины XVI в. за 60—74 нынѣшнихъ, найдемъ, что тогда означенные предметы хозяйства были въ $1^1/_2$ или въ 2 раза дороже, чѣмъ теперь; такъ какъ рубль второй половины XVII в. по хлѣбнымъ цѣнамъ равняется только 17 нынѣшнимъ, то цѣны тѣхъ же предметовъ, которые въ XVI в. стоили въ $1^1/_2$—2 раза дороже, чѣмъ теперь, въ XVII в. стали почти въ $1^1/_5$ раза дешевле нынѣшнихъ. Соотвѣтственно этому должно было измѣниться отношеніе цѣнъ и другихъ предметовъ внутренняго производства, какъ и цѣнъ труда къ нынѣшнимъ. Выше былъ указанъ переломъ въ исторіи цѣнъ, состоявшій въ томъ, что въ общемъ подъемѣ цѣнъ съ XVI в. до нашего времени стоимость хлѣба поднялась гораздо выше, чѣмъ стоимость другихъ предметовъ потребленія. Теперь можно точнѣе обозначить хронологію этого перелома: онъ начался именно чрезвычайнымъ вздорожаніемъ хлѣба въ началѣ XVII в.

VI.

Обращаемся къ изученію хлѣбныхъ цѣнъ первой половины XVIII вѣка, далѣе котóрой не простирается нашъ опытъ.

Къ сожалѣнію, за три первыя десятилѣтія этого вѣка мы не могли собрать достаточно полныхъ и надежныхъ данныхъ, такъ что это время остается для насъ пробѣломъ въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ. Въ задачахъ извѣстной Ариѳметики Магницкаго, изданной въ Москвѣ въ 1703 г., есть нѣсколько хлѣбныхъ цѣнъ; но по свойству источника трудно сказать, насколько эти данныя согласны съ дѣйствительными цѣнами московскаго рынка того времени. Впрочемъ цѣны Магницкаго по сравненію съ другими данными очень похожи на дѣйствительныя

[1] По переводу Языкова стр. 60, 71, 115 и др.

и именно нормальныя московскія цѣны хлѣба. Рожь у него стоитъ 96, 84, 60 и 46 коп. четверть; средняя цѣна 71, почти одинаковая со средней московской цѣной ржи за вторую половину XVII в. Въ 1701 г. былъ изданъ указъ, неоднократно повторенный впослѣдствіи, который запрещалъ вывозить хлѣбъ за границу, если въ Московской области цѣна его поднималась выше рубля (за четверть ржи). По книгамъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу въ 1631 г. тогдашній фунтъ печенаго ржанаго хлѣба въ Москвѣ стоилъ $^1/_5$ коп.; въ одной задачѣ Магницкаго хлѣбъ въ $3^1/_3$ фунта оцѣненъ въ 1 копѣйку, т. е. фунтъ въ $^3/_{10}$ коп., въ $1^1/_2$ раза дороже 1631 г., что очень вѣроятно [1]. Желябужскій разсказываетъ, что въ 1704 г. четверть ржи покупали по 150 и 180 копѣекъ; но тогда былъ «голодъ великій по деревнямъ» вслѣдствіе неурожая озимаго. Если позволительно изъ такихъ скудныхъ данныхъ заключать что-либо, то можно думать, что хлѣбныя цѣны мало измѣнились въ первыя 15 лѣтъ царствованія Петра Великаго. Имѣя въ виду послѣдніе годы этого царствованія, Фокеродтъ говоритъ, что 12 четвериковъ муки (ржаной) стоили внутри страны не болѣе 150 коп., т.-е. не больше 1 рубля четверть, а это предполагаетъ цѣну ржи очень близкую къ цѣнамъ Магницкаго. Съ другой стороны, въ 1724 г. было указано при заборѣ полками провіанта и въ дорогое время платить за четверть ржаной муки не болѣе 150 коп., крупы не болѣе 200, овса не болѣе 50, за пудъ сѣна 3 коп. Судя по даннымъ Магницкаго и Желябужскаго, такія цѣны и въ первые годы XVIII в. были высокими, но далеко не голодными. Всѣ эти данныя относятся преимущественно къ центральному московскому рынку. О другихъ мѣстностяхъ капитанъ Перри, жившій въ Россіи съ 1698 по 1715 годъ, пишетъ, что во многихъ мѣстахъ по Волгѣ между Шексной и Казанью четверикъ ржи продается обыкновенно по 6—7 пенсовъ (копѣекъ), пшеницы по 9 пенсовъ и прочій хлѣбъ соотвѣтственно этому, т.-е. четверть ржи по 48—56 коп., пшеницы по 72 коп. Рядомъ съ этими цѣнами встрѣчаемъ и болѣе высокія. По одной дорожной расходной книгѣ 1719 г. овесъ покупали въ Москвѣ по 55 и 64 коп. четверть, въ Твери по 80, въ Новгородѣ по 120—180, въ Петербургѣ по 165—185, муку ржаную въ Петербургѣ по 290 и по 300 коп., что предполагаетъ цѣну ржи около 2 руб. четверть. Значитъ, на рынкахъ того времени бывали цѣны дороже высшихъ указныхъ

---

[1] Эти $^3/_{10}$ коп. за тогдашній фунтъ соотвѣтствуютъ почти $^1/_4$ коп. за нынѣшній. Ариѳметика *Магницкаго*, 83, 85, 106 и др. П. С. Зак. IV, № 1872.

1724 г. Въ дѣлахъ адмиралтейской провіантской канцеляріи сохранились двѣ вѣдомости о хлѣбныхъ цѣнахъ въ Козловѣ за іюнь и октябрь 1724 года: цѣна ржи здѣсь 60—84 коп. четверть, пшеницы 106—200 к., почти вдвое дороже цѣнъ средняго Поволжья у Перри [1]. Все это заставляетъ предполагать значительное повышеніе цѣнъ въ послѣдніе годы царствованія Петра. Изъ разсмотрѣнныхъ цѣнъ составимъ сравнительную таблицу, выводя среднія изъ параллельныхъ цѣнъ и сопоставивъ цѣны Перри со средними цѣнами 1882 г. по губерніямъ Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской.

Москва.	Рожь	840:	71=12
	Овесъ	350:	56= 6
	Ячмень	450:	67= 7
	Мука ржаная	1200:	100=12
	Печен. ржан. хлѣб. ф.	3:	¼=12
	Пенька (пудъ). . . .	375:	30=12
Поволжье.	Рожь	735:	52=14
	Пшеница	1000:	72=14
Тверь.	Овесъ	335:	80= 4
Новгородъ.	»	390:	145= 3
Петербургъ.	»	450:	175= 3
Козловъ.	Рожь	650:	74= 9
	Овесъ.	235:	43= 5
	Пшеница	900:	149= 6
	Сѣмя конопл.	850:	80=11
	Средній знаменатель		9

Этотъ знаменатель, выведенный изъ столь скудныхъ данныхъ, можетъ имѣть лишь то значеніе, что показываетъ, въ какомъ направленіи стали измѣняться хлѣбныя цѣны съ начала XVIII в. Въ предыдущее столѣтіе послѣ Смутнаго времени, страшно ихъ поднявшаго, онѣ все падали; теперь онѣ опять пошли вверхъ. Этотъ поворотъ объясняется разными причинами, нумизматическими и экономическими. Новая монета, выпущенная Петромъ, была достоинствомъ ниже прежней. Огромное количество народнаго труда было отвлечено

[1] *Желябужск.* 96. *Фокеродтъ* въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1874 г. кн. 2, стр. 114. П. С. Зак. VII, № 4533. *Перри*, Состояніе Россіи, 158 и сл. Въ Моск. Рум. муз. изъ собр. рукоп. Бѣляева №№ 120 и 122.

отъ земледѣлія въ армію, на фабрики и заводы, къ разнымъ казеннымъ работамъ. Выведенный знаменатель можетъ послужить связующимъ звеномъ между хлѣбными цѣнами второй половины XVII и 1730—1750 годовъ. Для изученія цѣнъ этихъ двухъ десятилѣтій мы имѣемъ значительную коллекцію рапортовъ, какіе присылались въ Камеръ-коллегію и Ревизіонъ-коллегію изъ провинціальныхъ и уѣздныхъ канцелярій или городовыхъ ратушъ [1]. Коллекція эта отличается довольно случайнымъ, безпорядочно разнообразнымъ составомъ: изъ нѣкоторыхъ городовъ встрѣчаемъ сплошной рядъ ежемѣсячныхъ отчетовъ за одинъ или нѣсколько лѣтъ; за то изъ другихъ нѣтъ ни одного отчета; притомъ находимъ отчеты о текущихъ цѣнахъ въ нѣсколькихъ городахъ за какой-либо одинъ годъ, но разныхъ мѣсяцевъ, или за одни и тѣ же мѣсяцы, но разныхъ лѣтъ, наконецъ отчеты разныхъ лѣтъ и разныхъ мѣсяцевъ, такъ что трудно сдѣлать такой подборъ вѣдомостей, который далъ бы понятіе объ уровнѣ одновременныхъ цѣнъ хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ или объ ихъ колебаніяхъ на однихъ и тѣхъ же рынкахъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Приноровляя тогдашнее областное дѣленіе къ нынѣшнему, встрѣчаемъ также большое разнообразіе: по однимъ губерніямъ въ коллекціи есть свѣдѣнія о цѣнахъ въ губернскомъ городѣ съ однимъ или нѣсколькими уѣздными, по другимъ только въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздныхъ, наконецъ по нѣкоторымъ есть прейсъкуранты только губернскаго города безъ уѣздныхъ. Изъ 1730-хъ годовъ только за одинъ 1737-й можно подобрать значительное количество вѣдомостей изъ разныхъ городовъ, преимущественно за осенніе мѣсяцы; вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились вѣдомости г. Тамбова за всѣ мѣсяцы 1732—1736 гг. и за нѣсколько мѣсяцевъ 1737 г. Сколько можно судить о тогдашнемъ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ по даннымъ одного этого рынка, цѣны 1737 г. были довольно близки къ среднимъ цѣнамъ за все десятилѣтіе 1731—1740 годовъ: по тамбовскимъ вѣдомостямъ 1732—1737 гг. не замѣтно послѣдовательнаго роста цѣнъ; до 1737 г. хлѣбъ въ Тамбовѣ бывалъ и значительно дороже, и дешевле, чѣмъ въ этомъ году. Цѣны 1740-хъ годовъ вообще нѣсколько выше цѣнъ предыдущаго десятилѣтія. Сохранившіяся въ коллекціи вѣдомости 1740-хъ гг. сообщаютъ спорадическія данныя разныхъ лѣтъ, мѣсяцевъ и мѣстностей, не позволяющія составить изъ нихъ ничего цѣльнаго и послѣдовательнаго. На такомъ составѣ коллекціи построенъ нашъ разсчетъ. Отношеніе рубля

[1] Въ Моск. Румянц. музеѣ изъ собр. рукоп. И. Д. Бѣляева № 121.

1730-хъ годовъ къ нынѣшнему мы опредѣляемъ по вѣдомостямъ 1737 года, выводя среднія цѣны, гдѣ для этого есть матеріалъ, или довольствуясь одиночными и сопоставляя тѣ и другія со средними цѣнами 1882 г. по тѣмъ губерніямъ, въ составъ которыхъ нынѣ входятъ означенные въ вѣдомостяхъ города. Точно такъ же поступили мы и съ цѣнами 1740-хъ годовъ, соединивъ въ одну таблицу данныя изъ вѣдомостей разныхъ лѣтъ и городовъ и не обращая вниманія на то, къ какому мѣсяцу относится та или другая вѣдомость. Среднія цѣны годовыя мы выводили изъ относящихся къ одному и тому же году мѣсячныхъ вѣдомостей одного или нѣсколькихъ городовъ извѣстной губерніи по нынѣшнему областному дѣленію Россіи, среднія за нѣсколько лѣтъ изъ среднихъ годовыхъ; если вѣдомости разныхъ городовъ одной губерніи относятся къ разнымъ годамъ, мы не выводили по нимъ среднихъ цѣнъ по губерніи за эти годы, а сопоставляли цѣны каждаго города со средними 1882 г. отдѣльно. По вѣдомостямъ 1737 г. можно составить такую таблицу.

Псковъ	Рожь	725: 102 =	7
	Овесъ	380: 64 =	6
	Ячмень	565: 70 =	8
	Гречиха . . .	500: 71 =	7
Смоленскъ	Рожь	790: 78 =	10
	Овесъ	300: 44 =	7
	Ячмень	545: 60 =	9
Тамбовъ	Рожь	650: 50 =	13
	Овесъ	235: 33 =	7
	Ячмень	475: 40 =	12
	Пшеница . . .	800: 132 =	6
Пенза	Рожь	670: 43 =	16
	Овесъ	250: 30 =	8
	Пшеница . . .	900: 118 =	8
Елецъ	Рожь	725: 40 =	18
	Овесъ	275: 32 =	9
	Ячмень	620: 28 =	22
	Пшеница . . .	1095: 120 =	9
	Гречиха . . .	580: 30 =	19
Курскъ	Рожь	725: 61 =	12
	Овесъ	270: 52 =	5
	Пшеница . . .	1125: 135 =	8
	Гречиха . . .	540: 59 =	9

	Ячмень....	500:	47=11
Чугуевъ	Овесъ.....	270:	55= 5
	Ячмень.....	550:	56=10
	Гречиха....	550:	53=10
Вятка	Рожь.....	700:	61=11
	Овесъ.....	275:	27=10
	Ячмень....	580:	32=18
Пермь	Рожь.....	512:	120= 4
	Овесъ.....	238:	52= 5
	Ячмень....	350:	95= 4
	Пшеница..	685:	210= 3
	Средній знаменатель		10.

И такъ *рубль 1730-хъ годовъ равняется 10 нынѣшнимъ.*

По вѣдомостямъ 1740 годовъ, сохранившимся въ коллекціи, можно составить болѣе разнообразную таблицу [1].

Руза и Волокол. 1744, 1745 и 1748 г.	Рожь	840:	110= 8
	Овесъ.....	350:	63= 6
	Ячмень.....	450:	88= 5
	Пшеница ...	1500:	200= 7
Архангельскъ 1745 и 1748 г.	Рожь	1150:	120=10
	Овесъ	600:	48=12
	Ячмень.....	960:	110= 9
Новгородъ 1743 г. . . .	Рожь	900:	176= 5
	Овесъ.....	390:	137= 3
	Пшеница ...	1200:	256= 5
Псковъ 1743—5 г. . . .	Рожь.....	725:	224= 3
	Овесъ.....	380:	113= 3
	Ячмень.....	565:	152= 4

[1] Большею частію цѣны въ этой таблицѣ среднія за нѣсколько лѣтъ или за нѣсколько мѣсяцевъ одного года. Подъ именами почти всѣхъ губернскихъ городовъ мы выводили въ таблицѣ среднія цѣны изъ вѣдомостей губернскаго и одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ городовъ и обозначали только уѣздные города, если не находили въ коллекціи вѣдомостей о цѣнахъ ихъ губернскаго города.

Устюгъ 1748—9 г. . . .	Рожь.	900:	88=10
	Овесъ.	355:	30=12
	Ячмень.	700:	62=11
	Пшеница. . .	1240:	190= 7
Смоленскъ 1742—4 г. . .	Рожь	790:	155= 5
	Овесъ. . . .	300:	75= 4
	Ячмень	545:	102= 5
Вятка 1746 г.	Рожь.	700:	70=10
	Овесъ.	275:	58= 5
	Ячмень.	580:	68= 9
	Пшеница . .	880:	198= 4
Чухлома 1742 и 1746 г.	Рожь.	875:	93= 9
	Овесъ.	350:	44= 8
	Ячмень.	600:	66= 9
	Пшеница. . .	1200:	162= 7
Кологривъ 1750 г. . . .	Рожь.	875:	77=11
	Овесъ.	350:	48= 7
	Ячмень.	600:	62=10
Ростовъ 1742, 1749—50 г.	Рожь.	765:	114= 7
	Овесъ.	345:	48= 7
	Ячмень.	600:	60=10
Казань 1743, 746 и 1749 г.	Рожь.	540:	55=10
	Овесъ.	275:	34= 8
	Ячмень	450:	67= 7
	Пшеница. . . .	850:	124= 7
Сызрань 1744 г.	Рожь.	650:	66=10
	Овесъ.	300:	47= 6
	Пшеница. . . .	800:	160= 5
	Сѣмя конопл.	960:	140= 7
Алатырь 1750 г.	Рожь.	650:	30=22
	Овесъ.	300:	28=11
	Пшеница. . .	800:	83=10
	Сѣмя конопл.	960:	80=12
Рязань 1744 г.	Рожь.	675:	82= 8
	Овесъ.	285:	49= 6
Пронскъ 1746 г.	Рожь.	675:	30=22
	Овесъ.	285:	28=10
Ряжскъ 1748 и 1749 г. . .	Рожь.	675:	58=12
	Овесъ.	285:	36= 8

Ливны 1750 г.	Рожь.	725:	30=24
Тамбовъ 1843 и 1644 г. .	Рожь.	650:	62=10
	Овесъ.	235:	35= 7
	Ячмень. . . .	475:	46=10
	Пшен. яров.	800:	112= 7
Лебедянь 1750 г.	Рожь.	650:	64=10
	Овесъ	235:	52= 5
	Пшен. озим.	900:	160= 6
	Гречиха . . .	500:	32=16
	Просо	570:	32=18
	Сѣмя конопл.	850:	72=12
Пенза 1743 и 1746 г. . .	Рожь	670:	50=13
	Овесъ	250:	37= 7
	Пшеница. . .	900:	123= 7
Керенскъ 1748—50 г. . .	Рожь	670:	46=15
	Овесъ	250:	34= 7
	Пшеница. . .	900:	91=10
Воронежъ 1743 г. . . .	Рожь	725:	45=16
	Овесъ	230:	23=10
	Пшеница. . .	975:	113= 9
Курскъ 1749 г.	Рожь	725:	163= 4
	Овесъ	270:	125= 2
	Гречиха . . .	540:	120= 4
	Сѣмя конопл.	750:	240= 3
Полтава 1743 г.	Овесъ	240:	28= 9
	Ячмень. . . .	425:	30=14
	Просо	485:	42=12
Кіевъ 1743 г.	Рожь	550:	56=10
	Овесъ	270:	31= 9
	Ячмень. . . .	400:	39=10
	Пшеница. . .	980:	107= 9
	Гречиха . . .	450:	51= 9
	Просо	450:	60= 7
	Средній знаменатель		9

И такъ *рубль 1740-хъ годовъ равнялся 9 нынѣшнимъ.*

VII.

Изложенный опытъ есть не болѣе какъ матеріалъ, черновая работа, въ которой навѣрное окажутся крупные пробѣлы и еще болѣе крупные промахи, могутъ показаться подозрительными или неудачными не только выводы, но и самые пріемы изслѣдованія. Предпринимая этотъ опытъ, авторъ ставилъ себѣ цѣлью не добиться окончательныхъ, надежныхъ результатовъ, а только поставить нѣсколько проблемматическихъ положеній, которыя могли бы быть пополнены и исправлены знающими людьми, при помощи новыхъ данныхъ, какія навѣрное найдутся при болѣе широкомъ изученіи источниковъ [1]. Такимъ образомъ могъ бы наконецъ хотя съ приблизительною точностью разрѣшиться одинъ спеціальный вопросъ, который ложится поперекъ дороги всякому изслѣдователю, предпринимающему изученіе экономическаго быта Россіи въ минувшіе вѣка: этотъ вопросъ состоитъ въ опредѣленіи рыночной стоимости или мѣноваго значенія старинныхъ нашихъ денежныхъ единицъ сравнительно съ нынѣшними. Пока не рѣшена эта задача, изслѣдователь не можетъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, большей частью фактовъ экономической исторіи Россіи и фактовъ наиболѣе цѣнныхъ. Мы бы желали, чтобы пересмотру и исправленію подверглись прежде всего слѣдующіе главные выводы нашего опыта.

---

[1] Вслѣдствіе скудости собраннаго матеріала авторъ долженъ былъ отказаться отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ древнерусской хлѣбной метрики. Къ числу ихъ относится вопросъ о мѣрѣ, называвшейся въ XV и XVI в. *пузомъ*. Выше (стр. 30) было упомянуто о 4 шунгскихъ крестьянахъ, занявшихъ $1^1/_2$ коробьи ржи въ 1549 г. съ обязательствомъ уплатить 25% роста. По обычному условію древнерусскаго коллективнаго займа долгъ платили заемщики, оказавшіеся на лицо по-истеченіи срока. На заемной 1549 г. отмѣчено, что двое изъ заемщиковъ уплатили по $2^1/_2$ пуза ржи каждый, а въ концѣ росписи приписано: «пузъ ржи», что по догадкѣ издателей значитъ, что 1 пузъ недоплаченъ. Эта росписка допускаетъ различныя толкованія: или двое платили за всѣхъ четверыхъ, а такъ какъ должно было заплатить 24 четверика капитала и 6 четвериковъ роста, то заплативъ 3 пуза и недоплативъ одного, они считали въ пузѣ 5 четвериковъ; или каждый платилъ свою долю долга, и въ такомъ случаѣ пузъ равнялся 3 четверикамъ, а приписка ничего не значитъ. Впрочемъ возможны и другія толкованія; вопросъ неразрѣшимъ безъ новыхъ болѣе ясныхъ указаній источниковъ. Нынѣ въ Архангельской губерніи пузо-мѣшокъ соли мѣрою въ 2 нынѣшнихъ четверика, которые равняются почти $3^1/_2$ новгородскимъ четверикамъ XVI в. Русск. Достоп. I, 132 и 139.

Въ XVI и первой половинѣ XVII в. наиболѣе распространенными торговыми мѣрами хлѣба у насъ служили четверти московская въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Московскаго государства и новгородская на сѣверѣ. Первая вмѣщала въ себѣ 4 древнерусскихъ или $4^2/_3$ нынѣшнихъ пуда ржи, т.-е. была фунта на 4 больше половины нынѣшней торговой четверти ржи вѣсомъ въ 9 пуд. 5 фунт.; вторая четверть была въ $1^1/_2$ раза больше первой, т.-е. вѣсила 7 нынѣшнихъ пудовъ ржи. Съ половины XVII в., если не раньше, та и другая четверть удвоилась.

Опредѣляя по цѣнамъ хлѣба мѣновое отношеніе стараго московскаго, потомъ всероссійскаго рубля къ нынѣшнему кредитному, получаемъ такія приблизительныя цифры:

Рубль	*1500 года*	*стоилъ не менѣе*	*100*	*нынѣшн.*
»	*1501—1550 г.*	*равнялся*	*63—83*	»
»	*1551—1600 г.*	»	*60—74*	»
»	*1601—1612 г.*	»	*12*	»
»	*1613—1636 г.*	»	*14*	»
»	*1651—1700 г.*	»	*17*	»
»	*1701—1725 г.*	»	*9*	»
»	*1730—1740 г.*	»	*10*	»
»	*1741—1750 г.*	»	*9*	»

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

В. Ключевскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. Постановка вопроса.
II. Древнерусская хлѣбная четверть.
III. Пріемы изслѣдованія.
IV. Рубль XVI в. Повѣрка выводовъ.
V. Рубль XVII в.
VI. Рубль первой половины XVIII в.
VII. Главные выводы.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

ОПЕЧАТКА

Стр. 29, строка 16: напечатано *132;* слѣдуетъ читать *123.*

Д № 2341
1 Р.
8

Цѣна 50 к.

2007085131